

От редакции. В последнее время в нашей печати появились публикации (С. С. Хоружий. *Философский пароход*. «ЛГ», 1990, 9 мая; В. Костилов. *Изгнание из рая*. «Огонек», 1990, № 24; см. также «Социологические исследования», 1990, № 3), в которых рассказывается о малоизвестных широкому читателю событиях начала 1920-х гг., связанных с начавшейся в тот период политикой репрессий и гонений на «инакомыслящую» интеллигенцию, не принадлежавшую к общему «революционному» потоку. В этих публикациях речь идет не только о позиции тогдашнего партийного и государственного руководства по отношению к беспартийной творческой интеллигенции, но и более конкретно — об отношении к философии, составившей гордость отечественной и мировой культуры XX столетия. С «высылкой» философии начался период сектантского существования коммунистической идеологии; в этом выразилось ее нежелание вести диалог с различными идейными течениями мировой философской мысли и культуры, приведшее в конце концов к самоизоляции и догматизации марксистской теории.

Начавшееся в 1985 г. движение перестройки ставит сейчас эти проблемы во всей их значимости. Мы видим, что изолированное существование в мировой культуре невозможно и губительно для нашей культуры, в том числе и философии, — оно губительно и для развития страны в целом.

Нередко при обсуждении вопроса о высылке упоминается имя В. И. Ленина. В частности, в указанных выше публикациях подчеркивается, что он самым непосредственным образом участвовал в этих драматических событиях, что по его распоряжению и был составлен список высланных деятелей науки, культуры, философии. Следует, однако, отметить, что мы до сих пор все-таки слабо знакомы со всеми обстоятельствами дела, в немалой степени потому, что архивы данного периода остаются закрытыми и точно определить мотивы решений В. И. Ленина в тех условиях представляется затруднительным. Вполне правдоподобной версией является следующая: из трех возможных вариантов решения тогдашним партруководством этой проблемы, а именно: расстрел, Сибирь или высылка — был выбран все же наиболее гуманный. Очевидно, об этом стоит задуматься тем нашим сегодняшним публицистам, которые склонны всю вину за случившееся возлагать лично на Ленина.

Ниже мы публикуем два материала, в которых предлагается та версия событий, с которой редакция не может вполне согласиться, но где тем не менее содержится как обстоятельное изложение фактической стороны дела, отражающее общую атмосферу тех лет революции, так и некоторые оценки этих событий в свете сегодняшнего дня.

«Первое предостережение» — удар хлыстом

(К истории высылки из Советского Союза
деятелей культуры в 1922 г.)

М. С. ГЕЛЛЕР

Советская история напоминает старинные географические карты, на которых океаны, острова, континенты обозначены неправильно, а значительное пространство закрашено белой краской.

Эпизод, являющийся темой статьи, — одно из таких белых пятен, причем даже его контур изображен на исторической карте неверно.

31 августа 1922 г. «Правда» опубликовала на первой странице сообщение о высылке «по постановлению Государственного политического управления (ГПУ) наиболее активных контрреволюционных элементов из среды профессоров, врачей, агрономов, литераторов в северные губернии. Часть за границу». Сообщение было озаглавлено — «Первое предупреждение». В нем не было названо число высылаемых, не было сказано, кто высылается «в северные губернии», а кто — за границу. Лишь осторожно — и в противоречии с фактами — отмечалось: «среди высланных почти нет крупных имен».

За минувшие полстолетия историки не много прибавили к скупой и неправильной информации ГПУ. Официальный летописец «органов» Д. Л. Голиков уточняет: «В августе—сентябре 1922 г. по постановлению ГПУ из Петрограда, Москвы, Киева и других крупных центров страны в административном порядке были высланы наиболее активные контрреволюционеры»¹. С. А. Федюкин приводит цифру: «В августе—сентябре 1922 г. из Петрограда, Москвы, Киева в административном порядке были высланы частью за рубеж, частью в северные губернии 160 наиболее активных буржуазных идеологов»². Западные историки, как правило, слепо идут за советскими источниками, не делая к тому же различия между эмиграцией и административной высылкой. Американский историк Анатолий Дж. Мазур пишет, например: «В 1923 г. (?) группа «непримиримых», ведших изолированную интеллектуальную жизнь, получила разрешение (?) покинуть страну и присоединиться к русским эмигрантам в Западной Европе. Она включала Р. Ю. Виппера, Н. О. Лосского, Н. А. Бердяева и Ф. А. Степуна»³. Здесь все неверно: дата, оценка деятельности «непримиримых», определение меры наказания — из названных только историк Р. Ю. Виппер «получил разрешение покинуть страну», что он и сделал в 1924 г., три философа — Н. Лосский, Н. Бердяев и Ф. Степун вместе с другими были высланы, т. е. получили постановление ГПУ о высылке и запрещении возвращаться под угрозой расстрела. «С меня взяли подписку, что в случае моего появления на границе СССР я буду расстрелян», — вспоминал Н. Бердяев⁴. Такую же бумагу должен был подписать писатель М. А. Осоргин: «...в случае невыезда или бегства с пути подлежу высшей мере наказания, т. е. расстрелу»⁵. Все высылаемые подписывали идентичный документ — приговор о высылке.

Высылка в 1922 г. значительной группы крупнейших представителей русской интеллигенции остается неисследованным эпизодом советской истории, белым пятном не только потому, что не говорят о ней правды советские источники, но и потому, что по целому ряду причин политических и личных сами высланные оставили очень мало свидетельств. Как правило, эпизод этот лишь упоминается — более или менее обширно — в воспоминаниях, в юбилейных статьях, публиковавшихся в русской эмигрантской печати. Несмотря на то, что среди высланных были крупные русские историки, истории своей высылки они не написали.

Между тем высылка 1922 г., названная Н. Бердяевым «странной мерой, которая потом уже не повторялась»⁶, представляет значительный интерес для историка по многим причинам. В этом эпизоде как в капле воды отражаются главные, можно бы сказать — вечные, проблемы советского государства — проблема хлеба, проблема отношения к интеллигенции, проблема репрессий, проблема отношений с Западом. Эпизод этот интересен и тем, что инициатором высылки, как и архитектором политики, которая высылкой деятелей культуры завершилась, был Ленин. Он с первых дней Октябрьской революции определил стратегию войны с интеллигенцией, в которой высылка 1922 г. знаменовала очередную победу партии. Будучи одним из последних политических актов вождя революции накануне его смерти, удар по интеллигенции стал важнейшим элементом завещания основателя советского государства наследникам. Нако-

нец, стоит отметить, что в 60-е годы советское государство вновь обратилось к этой «странной мере».

Высылка значительной группы деятелей русской культуры в 1922 г.⁷ была завершением единственного в советской истории опыта сотрудничества между советской властью и русской интеллигенцией, сотрудничества на равных основаниях. Опыт продолжался пять недель и закончился во внутренней тюрьме ВЧК на Лубянке, где 31 августа 1921 г. оказались интеллигенты — инициаторы сотрудничества. В этом эпизоде отразилось отношение партии и государства к проблеме хлеба и к интеллигенции.

Голод

Летом 1921 г. на Россию обрушился голод, какого она никогда не знала в своей истории. В обращении к международному пролетариату, опубликованном «Правдой» 6 августа 1921 г., Ленин писал о том, что «несколько губерний» России поражены голодом не менее страшным, чем голод 1891 г. К этому времени официальные советские источники определили число голодающих примерно в 30 млн. человек; за две недели до обращения Ленина — 21 июля — «Правда» опубликовала обращение ко всем членам и организациям коммунистической партии, в котором констатировала: «Неурожай захватил: Самарскую, Уральскую, Татарскую республику, Астраханскую, Царицынскую, Немкоммуну, Чувашскую область и часть Вятской, Пензенской и Оренбургской и других губерний». Если вспомнить, что число голодающего населения в Поволжье в 1891 г. было определено в 964 627 человек⁸, станет очевидным чудовищное преуменьшение Лениным размеров бедствия. Советские энциклопедии продолжают и сегодня говорить об ограниченных размерах голода: «Во время голода, охватившего в 1921 г. часть Поволжья...» («БСЭ, второе издание, 1950), «...во время голода в Поволжье...» («БСЭ, третье издание, 1970). Советский историк Ю. Поляков указывает, однако, что территория, охваченная голодом, простиралась от северного побережья Каспия, охватывая все Поволжье, весь бассейн реки Урал, до Казани и Чебоксар. Она захватывала часть среднего течения Дона, бассейна Камы, районы Башкирии, часть Казахстана и Западной Сибири, многие районы Южной Украины. По подсчетам Ю. Полякова, в 1921 г. голодало не менее 20% населения страны и более 25% всего сельского населения⁹.

Ленин не случайно вспомнил в обращении к мировому пролетариату голод 1891 г. Молодой, ему шел тогда 21 год, помощник присяжного поверенного Владимир Ульянов, живя в Самаре, центре голодающего Поволжья, был единственным из представителей местной интеллигенции, который не только не участвовал в общественной помощи голодающим, но был категорически принципиально против такой помощи. «В конце 1891 г. разговоры о борьбе с голодом,— вспоминал В. Водовозов,— привели к созданию в Самаре особого комитета для помощи голодающим... В комитет входила самая разнообразная публика — от чиновников, занимавших высокие посты в местной служебной иерархии, до лиц, явно неблагонадежных, даже прямо поднадзорных... На собраниях и сходках молодежи Ленин вел систематическую и решительную пропаганду против комитета...»¹⁰. Владимир Ильич,— рассказывает друг Ленина по Самаре,— «имел мужество открыто заявить, что последствия голода — зарождение промышленного пролетариата, этого могильщика буржуазного строя,— явление прогрессивное, ибо содействует росту индустрии и двигает нас к нашей конечной цели, к социализму, через капитализм... Голод, разрушая крестьянское хозяйство, одновременно разбивает веру не только в царя, но и в бога, и со временем, несомненно, толкнет крестьянина на путь революции и облегчит победу революции»¹¹. Свое отношение к комитету помощи голодающим, т. е. тем, кто пытался помешать

«прогрессивному явлению», будущий Ленин выражал, по свидетельству его друга, чрезвычайно ясно и просто: с членами комитета есть один способ разговора: «рукой за горло и коленкой на грудь»¹².

Голод 1891 г. вспомнился Ленину тридцать лет спустя, когда он был главой государства. В 1891 г. «Владимир Ильич утверждал только одно... — правительство — единственный виновник голода и «всероссийского разорения»¹³. В 1921 г. необходимо было искать другие причины голода, ибо революция победила, и государство никак не могло считаться виновником бедствия.

В качестве виновника прежде всего называется засуха. 12 июля «Правда» печатает обращение «Ко всем гражданам РСФСР», подписанное президиумом ВЦИК: «В обширных районах засуха этого года свела на нет урожай и травы...». Ленин утверждает: «Голод явился чудовищным результатом гражданской войны»¹⁴. 21 июля ЦК партии подробно перечисляет причины «громдного стихийного бедствия»: «Бедствие... является результатом не только засухи этого года, оно подготовлено и обусловлено прошлой историей, отсталостью нашего сельского хозяйства, неорганизованностью, низким уровнем сельскохозяйственных знаний, низкой техникой, отсталыми формами севооборота; оно усилено результатами войны и блокады, не прекращающейся борьбой против нас помещиков, капиталистов и их слуг; оно и сейчас усугубляется непрекращающимися действиями бандитских шайк, являющихся исполнителями воли организаций, враждебных Советской России и всему ее трудящемуся населению»¹⁵.

В перечне многочисленных причин страшного голода не было лишь одной — политики советской власти начиная с первых же дней после революции. Отсталость русского сельского хозяйства была фактом, однако же Россия до первой мировой войны являлась одним из крупнейших в мире экспортеров зерна. Война — сначала с Германией, а потом гражданская, — тянувшаяся 7 лет, нанесла серьезный ущерб сельскому хозяйству. 1920-й, а в особенности 1921-й были засушливыми годами. Однако важнейшей причиной страшного голода 1921 г. была политика партии, пришедшей к власти в октябре 1917 г. На IX съезде партии (1920 г.) Троцкий лаконично подвел итоги гражданской войны: «Мы разорили страну, чтобы разбить белых». Однако разорение страны было не только, даже не столько результатом военных действий, сколько результатом политики, последовательно, упорно проводимой Лениным до марта 1921 г. В речи на 2-м Всероссийском съезде политпросветов (17.X.1921) Ленин изложил основы этой политики: «Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам, — и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение». Он признал: «...Не весьма длинный опыт привел нас к убеждению в ошибочности этого построения...»

Опыт не был, однако, коротким. Попытка совершить «большой прыжок», прыгнуть из «царства необходимости в царство свободы», из действительности в коммунистическую утопию тянулась более трех лет. Результатом опыта было разорение страны и кризис власти. Результатом опыта был хронический голод в городах страны во время всего периода «большого прыжка».

Перебои с доставкой продовольствия в Петроград были важнейшим поводом, вызвавшим Февральскую революцию. Перебои эти были связаны прежде всего с транспортными трудностями. Голод, ставший неотъемлемым элементом жизни советской республики после Октябрьского переворота, носил характер политический. Он был результатом политики партии: национализации хлебной торговли. В июле 1918 г., через полгода после прихода к власти, Ленин формулирует свою линию: «Есть два способа борьбы с голодом: капиталистический и социалистический. Первый состоит в том, чтобы допускалась свобода торговли... Мы, власть рабо-

чая, на этот путь пойти не можем. Наш путь, путь хлебной монополии»¹⁰. Начинается «борьба за хлеб». Телеграммы Ленина, адресованные продовольственным комиссарам, красноречиво свидетельствуют о характере этой борьбы. 10 августа 1918 г. в Саратовскую губернию: взять «в каждой хлебной волости 25—30 заложников из богачей, отвечающих жизнью за сбор и ссылку всех излишков»¹⁷. 19 августа в Орловскую губернию: беспощадно подавить кулацкое левоэсеровское восстание с «конфискацией всего хлеба у кулаков»¹⁸. 1 октября — для всей страны: «...вдесятеро больше усилий на добычу хлеба... Запасы все очистить и для нас и для немецких рабочих»¹⁹. Ежедневно, иногда по несколько раз в день отправляет председатель Совнаркома депеши, требующие конфискации, «добычи» хлеба. Он действует, как захватчик в оккупированной стране, используя в качестве вооруженной силы продовольственные отряды: «первый и величайший шаг социалистической революции в деревне»²⁰.

Михаил Калинин признает в марте 1921 г.: «... В деревне много недовольства вызвала продразверстка, которая нередко действительно проводилась слишком жестко и необдуманно»²¹. Советский историк констатирует: «При проведении продразверстки допускались нарушения революционной законности в Тамбовской, Воронежской, Алтайской и Тюменской губерниях»²². Он приводит документ, из которого следует, что эти «нарушения революционной законности» постепенно «вошли в систему продработы», т. е. стали законом.

Политика советской власти вызывает сопротивление крестьянства, растущее по мере приближения конца гражданской войны. Это сопротивление одновременно активное и пассивное.

Активное сопротивление — вооруженные восстания. Волна крестьянских восстаний в 1920 г. залила всю страну. Единственная в советской исторической литературе попытка дать общую картину крестьянских восстаний начала 20-х годов — книга И. Трифонова «Классы и классовая борьба в СССР в начале НЭПА (1921—1923)», изданная в Ленинграде тиражом в 2140 экземпляров, — посвящена восстаниям в Тамбовско-Воронежском районе, в Поволжье и Юго-Восточном крае, в Западной Сибири, на Украине, в Белоруссии и Карелии. И. Трифонов оставил за пределами книги восстания на Кавказе и в Средней Азии. Советский историк называет крестьянские восстания «вооруженной кулацкой контрреволюцией», говорит не иначе как о «бандах кулаков». Однако приводимые им сведения, взятые из неопубликованных архивов, свидетельствуют прежде всего об огромном размахе партизанского движения крестьян, о поддержке, которую имели восставшие среди крестьянства. Знаменитая формула Мао: партизан должен чувствовать себя в народе как рыба в воде — как нельзя лучше характеризует стратегию Махно, Антонова и других крестьянских вожаков, применявших ее задолго до появления на исторической сцене руководителя китайских коммунистов.

О размахе крестьянских восстаний, направленных против продразверстки, против грабежа деревни, лучше всего свидетельствуют усилия советской власти, направленные на их подавление. В мае 1921 под командованием Тухачевского, назначенного руководителем борьбы с восстанием в Тамбовской губернии, находилось 35 тыс. штыков, около 10 тыс. сабель, несколько сотен пулеметов и свыше 60 орудий²³. Крестьяне по-прежнему назывались бандитами, но, говорилось в специальной инструкции командования Тамбовской губернии от 12 мая 1921 г. «на задачу искоренения бандитизма следует смотреть не как на какую-нибудь более или менее длительную операцию, а как на более серьезную военную задачу — кампанию или даже войну»²⁴. Иначе как войной нельзя назвать вооруженные действия против сибирских крестьян зимой и весной 1921 г. «По просьбе Сибревкома, — пишет советский историк, — Советское правительство послало на подавление мятежа Казанский и

Симбирский стрелковые полки, Вятские пехотные курсы, 121-й и 122-й кавалерийские полки, Отдельную кубанскую кавалерийскую бригаду, 21-ю стрелковую дивизию, 4 бронепоезда, восстановительные поезда и телеграфно-строительные роты»²⁵. В Поволжье крестьянским отрядам удавалось временно захватывать города. Несколько армейских соединений под командованием лучших командиров Красной Армии участвовало в «малой войне» с Махно. В перечне «видных руководителей боевых операций против кулацких банд» фигурируют все крупнейшие советские военачальники, победители белых армий — от Тухачевского и Фрунзе до Буденного и Якира²⁶.

Не менее серьезную угрозу, чем вооруженное сопротивление крестьян, представляло для советской власти их пассивное сопротивление, выразившееся в сокращении посевов. Летом 1921 г. Л. Каменев признал, что в 1920 г. площадь посевов сократилась на 25%²⁷.

Признавая крах своей политики, Ленин говорил в марте 1921 г.: «Мы наткнулись на большую — я полагаю, на самую большую — внутренний кризис Советской России. Этот внутренний кризис обнаружил недовольство не только значительной части крестьянства, но и рабочих». Недовольство рабочих особенно пугает руководителя советского государства. Он понимает: «Ведь существуют же границы человеческих сил. Три года они (т. е. рабочие) голодали, нельзя голодать в течение четырех или пяти лет».

Засуха, страшные размеры которой становятся очевидными еще весной 1921 г., предвещает новый голод уже в условиях мирного времени, после окончания гражданской войны. Перед советским правительством возникает проблема, которую — впервые — нельзя решить с помощью силы. Все, что можно было, реквизировано. Отсутствие запасов превращает наступивший голод в смертный приговор для миллионов.

Советское правительство прежде всего делает вид, что голода нет. После полного молчания в июне 2 июля 1921 г. «Правда» публикует на последней странице сообщение под заголовком: «Виды на урожай хлебов и трав». В сообщении говорится: «В нынешнем году урожай хлебов будет ниже среднего за десятилетие (1905—14)». Ниже среднего — следовало читать: не катастрофический. 22 июля в передовой статье «Поволжье, голод и наши враги» «Правда» продолжает утверждать: «Напрасно думают они (т. е. враги), что у нас всеобщая катастрофа. Нулевой урожай в Поволжье компенсирует прекрасный урожай на Украине». И даже еще 23 июля заместитель наркома земледелия В. Осинский в интервью берлинской газете «Новый мир» настаивает: «В общем и целом надо считать, что урожай будет средним, даже, пожалуй, чуть-чуть выше среднего».

Между тем в том же номере «Правды», в котором говорилось о «прекрасном урожае на Украине», компенсирующем «нулевой урожай» в Поволжье, были опубликованы сообщение о состоявшемся 21 июля в Москве «предварительном заседании Всероссийского общественного комитета помощи голодающим» и декрет ВЦИК о создании комитета. Так начался удивительный, единственный в советской истории эпизод сотрудничества советского правительства и представителей общественности.

«Сотрудничество»

Советские историки с трогательным единодушием пишут о Всероссийском комитете помощи голодающим совершенно одинаково, И. Трифонов (1960): «В июле 1921 г. был сформирован «Всероссийский общественный комитет помощи голодающим», в состав которого вошли бывший царский министр Кутлер, бывший председатель 2-й и 3-й Государственных дум Головин, кадеты Кишкин, Булгаков, Кускова и другие... План действия комитета, разработанный Милюковым, сводился в общем к установлению

над Россией контроля иностранных держав. В плане предусматривалось, что местные отделения комитета «всеми средствами поведут антисоветскую агитацию и захватят власть в свои руки»²⁸. Книга И. Трифонова вышла через 7 лет после смерти Сталина, но ленинградский профессор строго следовал установленным для историков образцам: история пишется в форме доноса, все факты фальсифицируются, а те, которые нельзя фальсифицировать, заменяются вымышленными.

Е. Драбкина (1968): «Оживились (в связи с голодом.— М. Г.) и русские антисоветские круги. Группа «общественных деятелей», состоявшая из кадетов и околкадетов, заверяя, что они действуют только «во имя человеколюбия, без каких бы то ни было политических расчетов», создали с разрешения Советского правительства Комитет помощи голодающим. История с ее любовью к грубоватой, полной глубокого смысла шутке сделала руководителями этого комитета Прокоповича, Кускову, Кишкина, будто нарочно подобрав их так, чтобы начальные слога их фамилий образовали выразительное слово «Прокукиш». В особняке на Собачьей площадке, где обосновался этот самый «Прокукиш», меньше всего думали о помощи голодающим. Там были озабочены другим — установлением связей с заграницей, превращением «Прокукиша» в ядро будущего правительства, которое займет место Советского»²⁹. Схема Драбкиной повторяет, быть может чуть уклончивее, схему Трифонова. В нее добавлено лишь, что Комитет был создан «с разрешения Советского правительства».

Ю. Поляков (1975): «Курс на использование голода в антисоветских целях особенно наглядно проявился в деятельности так наз. «Всероссийского комитета помощи голодающим». Этот комитет был создан группой буржуазных деятелей кадетской партии под эгидой бывших видных деятелей кадетской партии С. Прокоповича, Е. Кусковой, Н. Кишкина»³⁰.

В сборнике документов «Ленин и ВЧК» (1975) говорится дословно то же самое: Комитет «организовали бывшие члены партии кадетов, представители реакционно настроенной части интеллигенции. Во главе комитета стояли Е. Д. Кускова, Н. М. Кишкин, С. Н. Прокопович»³¹.

В 3-м издании Большой Советской Энциклопедии в статье о Всероссийском комитете помощи голодающим (в предыдущих изданиях БСЭ статьи на эту тему не было) указывается: Комитет «создан в Москве с согласия Советского правительства 21 июля 1921 г. группой дореволюционных буржуазных общественных и культурных деятелей, среди которой преобладали кадеты... Руководители Комитета Прокопович, Кускова, Кишкин пропагандировали мысль, что борьба с голодом возможна лишь путем получения средств из-за границы и восстановления капиталистических отношений. Используя лозунг борьбы с голодом, они требовали передачи Комитету административных и хозяйственных функций, вели антисоветскую пропаганду. Установили связь с представителями ряда буржуазных правительств и белоэмигрантскими кругами».

Общим знаменателем всех процитированных (и не процитированных) оценок советскими историками Всероссийского общественного комитета помощи голодающим является прежде всего подчеркивание факта участия в комитете кадетов, руководящей их роли. Многие из историков всех членов комитета причисляют к кадетам. Например, автор единственной в советской исторической литературе статьи, посвященной Всероссийскому комитету помощи голодающим, заявляет: «агитационная работа комитета проводилась прежде всего через посредство его бюллетеня «Помощь», который редактировал кадетский литератор М. А. Осоргин»³². Писатель Михаил Осоргин никогда никакого отношения к кадетской партии не имел, более того, взгляды его, близкие эсеровским, находились на противоположном от кадетов полюсе. Слово «кадеты» используется советской исторической наукой как слово-заклинание, как слово, обозначающее зло. К реальной конституционно-демократической партии слово это ныне никакого уже отношения не имеет.

Второй общей чертой всех советских высказываний о Комитете помощи голодающим является обвинение в стремлении к свержению советской власти. И в подтверждение, в качестве доказательства создание комитета представляется как действие почти нелегальное, а его руководителями неизменно называются «кадеты Прокопович, Кускова, Кишкин».

Восстановление исторической правды о многих событиях советского прошлого сопряжено с трудностями в связи с недоступностью архивов. Эпизод, связанный с деятельностью Всероссийского комитета помощи голодающим, представляет редкое исключение: о работе комитета на протяжении 5 недель его существования регулярно писала советская печать, сохранились 3 номера бюллетеня «Помощь»³³, сохранились воспоминания Екатерины Кусковой³⁴. Важным источником для понимания причин создания комитета и причин его гибели являются опубликованные сравнительно недавно письма В. И. Ленина.

Идея участия общественности в помощи голодающим рождается в Москве в июне 1921 г. 18 июня на VII Всероссийском съезде по сельскохозяйственному опытному делу рассматривался вопрос о засухе. 22 июня в Московском обществе сельского хозяйства выступили кооператор М. И. Куховаренко и агроном проф. Рыбников, приехавшие из Саратова. Они рассказали об огромных размерах бедствия, преуменьшаемого советской печатью. На совместном заседании съезда и общества М. Куховаренко выступил с докладом «Неурожай Юго-Востока и необходимость государственной и общественной помощи», а известный экономист проф. Прокопович, бывший министр продовольствия Временного правительства, говорил «О засухе и борьбе с голодом». Собравшиеся решили образовать при Московском обществе сельского хозяйства общественный комитет по борьбе с голодом. Прокопович заявил одновременно: «Мы не можем совершать никаких действий без согласия советской власти, без ее одобрения, без ее содействия... Надо довести до сведения советской власти о том, что мы сегодня услышали, и о том, что мы желаем по мере наших сил принять участие в помощи голодающим»³⁵. Была выбрана делегация для посылки в Кремль к председателю Совнаркома. Русские общественники — агрономы, кооператоры, экономисты — действовали по старому дореволюционному образцу, так, как многие из них действовали в 1891 г. во время голода. Они предложили свою помощь правительству, предложили совместные действия для помощи голодающим.

На следующий день стало известно, что Ленин делегацию принять отказался. Не принял ее и нарком земледелия Теодорович.

Е. Кускова и С. Прокопович отправились к Горькому, чтобы просить его снестись с Лениным. Екатерина Кускова, — биография которой ждет историка, — познакомилась с Алексеем Пешковым, будущим Горьким, в 1893 г. в Нижнем Новгороде. С того времени Горький питал к Кусковой симпатию, о которой он вспоминал даже в момент разрыва в письме от 22 января 1929 г.: «Искренно говорю: никому, кроме вас, я на эти упреки отвечать не стал бы, да и вам отвечаю не потому, что хочу «оправдаться», а потому, что у меня к вам есть определенное отношение, началом коего служит моя первая встреча с вами, летом 1893 г., в Нижнем, когда вы, больная, жили в Вознесенском переулке»³⁶.

Горький использовал свои партийные связи. Л. Б. Каменев, председатель Московского совета, член Политбюро, приглашает делегацию в Кремль. В составе делегации Е. Кускова, агроном А. П. Левицкий, председательления с/х кооперации проф. П. А. Садырин, врач проф. Л. А. Тарасевич. Кускова не пишет в своих воспоминаниях, когда делегация встретилась с Каменевым. Можно полагать, что не раньше середины июля. В Политбюро шли споры: ряд советских руководителей выступал против сотрудничества с представителями общественности. 12 июля против Комитета помощи голодающим возражал нарком здраво-

охранения Семашко. Ленин пишет ему записку, в которой излагает свою точку зрения и тактику: «Директива сегодня в Политбюро: строго обезвредить Кускову. Вы в «ячейке коммунистов» не зевайте, *блюдите строго*. От Кусковой возьмем имя, подпись, *пару вагонов* от тех, кто ей (и этаким) сочувствует. Больше ни-че-го!»³⁷.

Решение использовать «имя и подпись Кусковой» для получения «пары вагонов» продовольствия свидетельствовало о катастрофическом положении в стране. Положение было гораздо хуже, чем в 1891 г., не только потому, что засуха захватила несравненно более обширную территорию. В 1921 г. в деревне не было никаких резервов, в отличие от 1891 г. голодал и город, разрушенный транспорт затруднял перевозку зерна из тех районов, где оно было, в голодающие. Крестьянские восстания и недовольство в рабочих центрах усугубляли критическое положение правительства. Единственным источником немедленной продовольственной помощи могла быть только заграница, капиталистические страны. Понимали это и советские руководители. «Верите ли Вы, Лев Борисович,—спросила Кускова Каменева во время разговора в Кремле,—верите ли Вы, что разразившейся катастрофе можно помочь внутрирусскими средствами? — Нет, не верю,—серьезно ответил Каменев»³⁸.

Помочь могли только капиталистические страны, по существу, только США, ибо истощенная войной Западная Европа была едва ли в состоянии прокормить себя. Советское правительство не решалось обратиться за помощью непосредственно, опасаясь встретить решительный отказ. В первой половине 1921 г. отказ капиталистических стран помогать государству, которое открыто ставило своей целью мировую революцию и свержение капиталистического строя, казался Ленину поведением как нельзя более естественным. Кускова объясняла Каменеву: «Помочь может только заграница. Помощь не притечет: будут думать, что помогают вам, Красной армии, но не голодающим»³⁹. Запад имел все основания думать, что помощь будет оказываться очень выборочно, с учетом критериев, имевших к голоду косвенное отношение. Вскоре после Октябрьского переворота в городах вводится «классовый паек, категоричность питания для различных групп трудящихся и для нетрудового населения»⁴⁰. Были введены 4 категории: 1 — рабочие тяжелого физического труда, 2 — все остальные рабочие и служащие, 3 — лица свободных профессий, 4 — нетрудовые элементы. В июне 1918 г. к двум последним категориям было отнесено в Петрограде 13,9% населения. В сентябре было опубликовано решение, гласившее: «Народный комиссариат социального обеспечения подтверждает тем самым необходимость лишения пайков всех кулацких и буржуазных элементов города и деревни; полученные таким образом излишки пойдут на увеличение пайка городской и деревенской бедноте»⁴¹. С первых же дней революции советское правительство присвоило себе право решать: кого нужно кормить, кого можно оставить умирать с голоду. Правительство присвоило себе право решать, кого *оно* будет кормить, а кому ничего не даст. Было формально объявлено об отказе признавать право людей на равенство перед лицом голода, голодной смерти. Это не могло не вызвать сомнений относительно использования помощи, которая могла прийти в 1921 г. только с Запада. «Нужна какая-то гарантия,—заявила Е. Кускова Каменеву.— Вот мы и предлагаем дать возможность старым общественникам эту гарантию дать»⁴².

«Старые общественники», о которых говорит Е. Кускова, это были виднейшие представители русской науки, литературы, культуры, известные на Западе, активно участвовавшие в организации помощи голодающим в 1891 г. Только они могли гарантировать распределение помощи голодающим в соответствии с категориями гуманности, отвергнутыми революцией. Они готовы были дать гарантию, но требовали «гарантий» со стороны правительства, требовали «конституции», т.е. официального ут-

верждения статута Комитета помощи голодающим. «Вы еще так верите конституциям?» — иронически спросил Каменев⁴³ делегацию общественных деятелей. Оказавшись в безвыходном положении, советское правительство согласилось на «конституцию». 21 июля председатель ВЦИК М. Калинин подписал «Декрет Всероссийского Центрального Комитета о «Всероссийском Комитете помощи голодающим» и «Положение о «Всероссийском Комитете помощи голодающим»⁴⁴.

ВЦИК постановил «Учредить Всероссийский Комитет помощи голодающим в целях борьбы с голодом и другими последствиями неурожая». Комитету был присвоен знак Красного Креста. Комитету были предоставлены права: приобретать в России и за границей продовольствие, фураж, медикаменты и другие предметы, необходимые для голодающего населения; распределять материальный фонд комитета среди нуждающегося населения, пострадавшего от неурожая; пользоваться внеочередностью перевозок своих грузов, а также иметь и использовать свои перевозочные средства; устраивать все необходимое для общественного питания; оказывать агрономическую помощь населению в неурожайных губерниях; оказывать медицинскую помощь; устраивать общественные работы для голодающих; собирать пожертвования и вообще принимать другие меры, необходимые для достижения поставленных комитету целей. Комитет получил право организации местных комитетов и отделений. Пункт 5 декрета гласил: «Для привлечения помощи и средств из-за границы, Комитет вправе открывать там свои отделения, содействовать образованию заграничных комитетов помощи голодающим и командировать за границу своих уполномоченных. Комитету принадлежит право беспрепятственного сношения с названными органами и уполномоченными его за границей». Не прошло и пяти недель, как стало очевидным особое значение этого пункта. О широчайшем объеме полномочий комитета свидетельствует и пункт 6, предоставлявший комитету «право обсуждать те мероприятия центральных и местных властей, которые он признает имеющими отношение к делу борьбы с неурожаем и голодом, и входить с подлежащими учреждениями в сношения о согласовании упомянутых мероприятий с его планами». Все учреждения республики, как в центре, так и на местах, обязаны оказывать полное содействие комитету. Комитет настаивал на разрешении издавать газету. Разрешение было дано с тем, однако, что газета должна была именоваться «бюллетенем». Автономия комитета закреплялась освобождением «от ревизии Рабоче-Крестьянской Инспекции», которой подлежали все организации и учреждения советской республики. ВЦИК утвердил «первоначальный состав» комитета, предоставив ему право дальнейшего избрания новых членов.

Никогда в истории советского государства, ни до июля 1921 г., ни после августа того же года ни одна общественная организация не получала таких прав. Быть может, потому, что никогда положение советской власти не было таким шатким. В памяти руководителей большевистской партии были живы недавние сравнительно события февраля 1917 г., когда задержка с доставкой хлеба в Петроград стала толчком, свалившим царское правительство. Ленин хорошо помнил июль 1917 г.: «Прятал нашего брата, конечно, рабочий,— пишет в своих воспоминаниях В. Бонч-Бруевич.— В далеком рабочем предместье Питера, в маленькой рабочей квартире подают обед. Хозяйка приносит хлеб. Хозяин говорит: «Смотри-ка, какой прекрасный хлеб. «Они» не смеют теперь, небось, давать дурного хлеба...». «Они» — Временное правительство — давали «прекрасный хлеб» и были свергнуты. Правительство Ленина дало в течение трех с лишним лет отвратительный хлеб, в ничтожных количествах — и держалось. Но в июле 1921 г. возникла серьезная опасность прекращения снабжения хлебом вообще. И советское правительство в отчаянной попытке сохранить власть идет на уступки, привлекает на помощь общественность.

ВЦИК утвердил первоначальный состав комитета из 63 человек. Знакомство со списком членов комитета, опубликованным в «Известиях» и в «Правде», позволяет прежде всего установить факты, расходящиеся с утверждениями советских историков о том, что «комитет был создан группой буржуазных деятелей кадетской партии»⁴⁵, что «во главе комитета стояли Е. Д. Кускова, Н. М. Кишкин, С. Н. Прокопович...»⁴⁶. Председателем комитета был назначен председатель Московского Совета Л. Б. Каменев, его заместителем — заместитель председателя Совета Труда и Оборона А. И. Рыков. В состав комитета была включена, по выражению Ленина, «ячейка коммунистов», насчитывавшая вместе с Каменевым и Рыковым 12 человек. О серьезном намерении советского правительства сотрудничать с комитетом свидетельствует включение в его состав представителей важнейших народных комиссариатов: иностранных дел (М. Литвинов), внешней торговли (Л. Красин), здравоохранения (Н. Семашко), земледелия, продовольствия, социального обеспечения, путей сообщения, просвещения (А. Луначарский), профсоюзы представлял А. Шляпников.

«Ячейка коммунистов» составляла, однако, незначительное меньшинство в комитете, состоявшем из виднейших представителей русской науки, культуры, общественной мысли. Инициаторы создания комитета составили список кандидатов, и каждый из кандидатов сам решал, входить в комитет или нет. Часть кандидатов долго колебалась: многие еще не были готовы к сотрудничеству с большевиками, другие были категорически против такого сотрудничества. После утверждения ВЦИКом основного состава — 63 члена — комитет дополнительно выбрал 1 августа еще 10 членов. Из 73 членов комитета 12 представляли советское правительство, составляли «ячейку коммунистов», 61 — русскую общественность. Наиболее широко — 20 человек — были представлены специалисты сельского хозяйства — агрономы, экономисты, статистики. Широкой известностью пользовались среди них профессора С. Н. Прокопович, Н. Д. Кондратьев, председатель правления с/х кооперативов П. А. Садырин, экономист А. В. Чайнов, ректор зоотехнического института М. М. Щепкин, председатель московского общества сельского хозяйства А. И. Угримов и др. Всем своим авторитетом поддержала комитет помощи голодающим Академия наук. В состав комитета вошли президент Академии А. П. Карпинский, вице-президент — В. А. Стеклов, председатель Комиссии по изучению производительных сил России П. П. Лазарев, академики В. Н. Ипатьев, А. В. Ферсман, Н. И. Курнаков, Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург. Среди представителей русской культуры были А. М. Горький, К. С. Станиславский, А. И. Южин-Сумбатов, Б. К. Зайцев, М. А. Осоргин, П. П. Муратов, А. К. Дживелегов и др. Кроме того, в Комитет вошли известные врачи, толстовцы, имевшие опыт помощи голодающим, — П. И. Бирюков, В. Ф. Булгаков, А. Л. Толстая, представители сектантов — меннонитов, баптистов, адвентистов, — имевших широкие международные связи, старая революционерка В. Фигнер. Пост почетного председателя Всероссийского комитета помощи голодающим принял В. Г. Короленко, единственный человек в России, моральный авторитет которого признавали все.

Советские историки, представляющие Комитет помощи голодающим бандой контрреволюционеров, готовившей захват власти, упоминают только имена бывшего члена Временного правительства, члена ЦК партии КД Н. М. Кишкина, бывшего члена Временного правительства проф. С. Прокоповича, «бывшую кадетскую деятельницу» Е. Кускову. Иногда добавляя к ним «бывшего царского министра Кутлера» и «бывшего председателя 2-й и 3-й Государственных дум Головина». Все они объявляются кадетами, а следовательно, врагами советской власти,

контрреволюционерами и заговорщиками. В действительности «кадетов», т. е. членов партии конституционных демократов, в комитете было всего несколько человек: Кишкин, Головин, Щепкин, Кутлер, Садырин. Советский историк И. А. Чемерисский, понимая, видимо, очевидную нелепость представления нескольких «кадетов» силой, руководившей деятельностью комитета, значительно расширяет категорию врагов. Например, «бывшими меньшевиками являлись В. Шер⁴⁷, боровшийся против Советской власти, и Э. Л. Гуревич». Кондратьев⁴⁸ и Чайнов — идеологи кулачества, первый входил в 1919 г. в контрреволюционный Тактический центр, а второй опубликовал свой нашумевший советский памфлет «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии...» Участницей Тактического центра была А. Толстая. На буржуазных позициях стояли также некоторые кооператоры и специалисты сельского хозяйства, представители религиозных сект, писатели Зайцев, Муратов, Осоргин...⁴⁹.

Советские историки представляют ныне создание комитета как анти-советский акт, совершенный в подполье и несказанно удививший правительство, захвативший его врасплох. Карл Радек писал после первого заседания комитета: «Мы несколько не сомневаемся в том, что буржуазные элементы, которые теперь объединились для того, чтобы под контролем советского правительства помочь преодолеть стихию голода, отнюдь не проникнуты коммунизмом и в советском правительстве не видят осуществления своих идеалов. Ни царский министр и лидер кадетов Кутлер, ни председатель 2 и 3 Дум Головин, ни министр Керенского Кишкин, ни полуменьшевики Прокопович и Кускова, ни старый член «Народной Воли» В. Фигнер — не являющиеся приверженцами коммунизма. Наоборот, все они — «буржуазные элементы». Мотивы, которые заставили их сплотиться под контролем Советского правительства, под председательством председателя Моссовета Каменева, конечно, весьма различны. Для одного вопрос идет о чисто гуманном деле, у другого здесь может быть элемент политического расчета. Советское правительство приветствует гуманные тенденции и не боится задних мыслей»⁵⁰. Почти слово в слово повторяет это через два дня Каменев в беседе с корреспондентом «Правды»⁵¹: «Комитет создан под знаком Красного Креста, его цель — сбор добровольных пожертвований... Задние мысли, которые могут иметь те или другие деятели, желающие работать под знаком Красного Креста, не могут ничего изменить в объективном значении факта добровольного сотрудничества оставшихся в России деятелей буржуазного лагеря с советской властью. Диктатура пролетариата ничуть не потрясена, что бывшие министры и члены ЦК кадетской партии, руководители мелкобуржуазной кооперации и агрономических и сельскохозяйственных союзов работают ныне под руководством советской власти в деле изыскания способов быстрой ликвидации последствий стихийного бедствия. Советская власть в трудный момент оказалась достаточно сильной и достаточно зоркой, чтобы не оттолкнуть предложений, исходящих из рядов разбитой в открытом бою буржуазии».

«Медовый месяц» сотрудничества советской власти и русской общественности длился менее шести недель: постановление президиума ВЦИК об учреждении Всероссийского комитета помощи голодающим было подписано председателем ВЦИК М. И. Калининым 21 июля 1921 г., постановление о ликвидации комитета было подписано заместителем председателя ВЦИК П. Залуцким 27 августа того же года⁵².

Ликвидация ВКПГ не была полной неожиданностью для членов комитета и для наиболее проникательных наблюдателей советской внутренней политики. Е. Кускова рассказывает, что через несколько дней после декретов об учреждении комитета «пришел человек, вхожий в Кремль»⁵³, и предупредил, что «комитету грозит величайшая опасность». После ареста членов комитета один из лидеров партии эсеров, А. Гоц, встретив в тюрьме на Лубянке С. Прокоповича, сказал ему: «Как только

мы прочли декрет и положение о комитете, я сказал товарищам: Товарищи! Надо готовить камеры для инициаторов этого дела...». М. Горький, «человек, входящий в Кремль», объяснил Кусковой, что «декрет дал Кремль... Но кроме Кремля есть еще Лубянка. Лубянка заявляет прямо и определенно, мы не позволим этому учреждению жить...»⁵⁴.

Опубликованные документы позволяют говорить о наличии разногласий среди большевистских руководителей по вопросам внутренней политики, в частности продовольственной политики и отношения к крестьянству. В сборнике воспоминаний и документов «Хлеб и революция» (Москва, 1972) приводятся высказывания противников «большого прыжка», который потом назвали «военным коммунизмом», — за менее жесткое регламентирование, против полной национализации торговли. На основании имеющихся документов можно предположить, что выразителем политики «лабиринтов» выступал прежде всего Л. Каменев, но, как и в октябре 1917 г., отстаивавший свои взгляды нерешительно, робко, немедленно отказываясь от них под ураганным огнем ленинской критики. Ленин — непреклонно против всякого «лабиринтов», против всяких «гнилых уступок».

Ленин держится за свою политику до пределов возможности. И даже позже, 14 апреля 1921, он пишет Каменеву: «Говорят, рабочие через 3—4 месяца потребуют отмены свободной торговли. Де не хотим, чтобы булочки ели бюрократы»⁵⁵. Рабочие — в том числе в Москве и Петрограде — выражали свое недовольство голодной политикой правительства забастовками. «...На некоторых петроградских заводах, — вспоминает Е. Дабкина, — началось то, что было прозвано метким словом «волынка». Это была своеобразная форма ничегонеделанья: рабочие не бастовали, но и не работали»⁵⁶. Старой большевичке Дабкиной не проходит через горло слово «бастовали» по отношению к пролетариату колыбели революции. Ленин, однако, понимал, что если рабочие «не работают», то, каким бы словом это ни называть, результат один: заводы стоят. И он находит выход. Председатель Совета народных комиссаров предлагает Каменеву «тотчас налечь на дома отдыха из всех сил. Увеличить за лето и за осень число их. Потом будем покупать «отдыхающим» изредка, по очереди и «булочки»⁵⁷. Для того, чтобы поощрить крестьян к поднятию производительности, Ленин предлагал их премировать «предметами потребления и домашнего обихода, отчего жизнь будет красивее и лучше в домашнем быту», и давать, кроме того, «конечно, знаки отличия», например, орден Трудового Красного Знамени⁵⁸.

И лишь когда и Ленину стало очевидно, что ни обещание «булочек» по очереди, ни премии или ордена положения не спасают, он решает отступить. Отступление, на которое решился Ленин, после того как выяснилось, что «жить дальше в условиях военного коммунизма стало невозможно»⁵⁹, включало и ВКПГ. Председательствовать в комитете, вести разговоры с представителями общественности поручается Каменеву. Ленин, соглашаясь на создание ВКПГ, рассматривал уступку как своего рода Брестский договор, как возможность получить передышку, воспользовавшись «именем и подписью Кусковой». В записке Семашко Ленин объясняет, что «имя и подпись» нужны для того, чтобы вырвать «пару вагонов». Всероссийский комитет помощи голодающим, «имя и подпись Кусковой» нужны были в еще большей степени для того, чтобы, во-первых, получить помощь из-за границы, помощь, которую западные страны не хотели давать советскому правительству, а во-вторых, для того, чтобы обходным путем установить дипломатические — если не де-юре, то де-факто — отношения с капиталистическим миром. Едва лишь цель была достигнута, комитет был разогнан. 21 августа Литвинов подписал в Риге соглашение с представителем Американской организации помощи (АРА), возглавляемой Гербертом Гувером. Е. Кускова вспоминает, что, узнав о подписании соглашения, Н. Кутлер резюмировал: «Ну, а теперь

нам надо по домам... Свое дело сделали. Теперь погибнет 35% населения голодающих районов, а не все 50 или 70...»⁶⁰. Кутлер был прав частично. Комитет «сделал свое дело», американцы заявили о немедленной высылке первых вагонов продовольствия, причем Гувер обещал, что ежемесячно будет расходоваться 1,2—1,5 млн. долларов на продовольственные поставки в Россию. Но «по домам» члены комитета помощи голодающим разойтись не смогли. 27 августа от имени международной организации помощи соглашение с Москвой о поставках продовольствия голодающим подписал Фритьоф Нансен. Однако знаменитый полярный путешественник еще до подписания соглашения совершил серьезную ошибку: назначил в число сотрудников своей организации члена ВКПГ.

М. Горький говорил Кусковой о различном отношении к комитету в «Кремле» и на «Лубянке». Главным врагом комитета, руководителем «Лубянки» в «Кремле» был Ленин. 26 августа пишет он письмо «Сталину и всем членам Политбюро ЦК РКП (б)», в котором детально излагает инструкцию по ликвидации комитета помощи голодающим. «Предлагаю,— пишет Ленин,— выразив возмущение «наглейшим предложением Нансена» и поведением «кукишей»,— сегодня же, в пятницу 26.8. постановлением ВЦИКа распустить «Кукиш»... Прокоповича сегодня же арестовать по обвинению в противоправительственной речи⁶¹ и продержать месяца три... Остальных членов «Кукиша» тотчас же, сегодня же, выслать из Москвы, разместив по одному в уездных городах по возможности без железных дорог, под надзор». В одном лице сочетает Ленин следователя, прокурора, судью и надзирателя, в одной фразе формулирует он обвинение, приговор и меру наказания. Трижды повторяет он: «сегодня же».

Вторая часть письма посвящена обработке общественного мнения. И здесь Ленин деловит и конкретен: «Напечатаем завтра же пять строк короткого, сухого «правительственного сообщения»: распущен за нежелание работать. Газетам дадим директиву: завтра же начать на сотни ладов высмеивать «Кукишей». Баричи, белогвардейцы, хотели прокатиться за границу, не хотели ехать на места... Изо всех сил их высмеивать и травить не реже одного раза в неделю в течение двух месяцев». Ленин резюмирует: «Больной зуб будет удален сразу и с большой пользой во всех отношениях... Иностранцы начнут приезжать, надо «очистить» Москву от «Кукишей»...»⁶².

Инструкция Ленина была энергично поддержана в Политбюро Троцким, пригрозившим отставкой, если комитет не будет немедленно ликвидирован, а его члены арестованы. Троцкий подчеркнул, что во время рижских переговоров с АРА американцы ни разу не упомянули комитет, следовательно, его можно разгромить безнаказанно⁶³. Резкий тон Ленина и ультиматум Троцкого позволяют предполагать наличие в Политбюро противников разгона ВКПГ, которые, однако, конкретно ничем себя не проявили. Письмо Ленина стало руководством к почти немедленному действию. Не «в тот же день», но на следующий, в субботу 27 августа, члены Всероссийского комитета помощи голодающим собрались на очередное заседание. Председатель комитета Л. Б. Каменев задерживался. Вместо него явился отряд чекистов, окруживших дом. Весь состав комитета, за исключением Веры Фигнер и председателя сельскохозяйственной кооперации П. А. Садырина, был арестован и привезен на Лубянку.

На следующий день началось выполнение второго пункта ленинской директивы: «высмеивание и травля» комитета. О характере этой кампании достаточно красноречиво говорят заголовки статей: «С голодом не играют» («Правда», 30.8), «Оставьте ваше воображение» («Известия», 31.8), «Комитет помощи контрреволюции» («Коммунистический труд», 30.8), «Спекуляция на голоде» («Коммунистический труд», 31.8). Популярнейшие «юмористы» — Демьян Бедный, Яша Зуб и другие — запол-

няли страницы газет фельетонами — в стихах и прозе, высмеивавшими «кукишей» и «прокукишей».

8 сентября «Правда» опубликовала «Сообщение В.Ч.К. об арестах во Всероссийском комитете помощи голодающим». В «Сообщении» были перечислены обвинения против членов комитета. Обвинения представляют интерес по двум причинам: во-первых, как свидетельство отсутствия веского состава преступления, во-вторых, потому что все они повторяются неизменно всеми советскими историками и в 1978 г.⁶⁴ «Сообщение ВЧК» открывается информацией о раскрытии в Тамбове «главной разведывательной организации Антонова». Эта организация установила, как удалось выяснить ВЧК, связь с кадетами в Москве. Двое арестованных в Москве представителей Антонова сознались, что «должны были связаться с Н. М. Кишкиным», но «не успели лично с ним связаться». Тем не менее Н. Кишкин был обвинен в связях с «антоновщиной». В бумагах его секретаря во время обыска была обнаружена «подробная схема переустройства Советской России с верховным правительством во главе, с канцлером, с Государственной думой и государственным советом... «Экспертиза установила, что схема написана «рукой гражданина Кишкина». Н. Кишкин не отрицал написания этой схемы, отмечая лишь, что сделал это в 1907 г. Следователь оторвал дату и вложил схему в «Дело», как второй пункт обвинения. Член ВКПГ В. Ф. Булгаков обвинялся в том, что «в своем дневнике, касаясь политической деятельности комитета, пишет, что «и мы и голод — это средство политической борьбы»⁶⁵. Быть может, единственный раз в истории советского государства советскому гражданину удалось публично, в печати ответить на обвинение «органов» и его опровергнуть. 18 сентября газета «Коммунистический труд» опубликовала «Разъяснение В. Ф. Булгакова. Из письма в редакцию». «Быв. член Всероссийского комитета помощи голодающим, хранитель Толстовского музея В. Ф. Булгаков, просит сообщить, что приведенные в сообщении ВЧК от 9 сентября с. г. слова «мы и голод — это средство политической борьбы» заимствованы были не из его дневника, а из конспекта речи по поводу выступления в комитете одного из представителей правительства, причем выражали они не одобрение, а порицание всякому возможному внесению политики в деловую работу комитета. Гр. Булгаков полагает, что он, как «толстовец», не мог быть причастен ни к каким политическим комбинациям вообще...» Публикация этого письма не мешает советским историкам и сегодня повторять обвинение, предъявленное В. Булгакову. Члены комитета обвинялись и в том, что, как показал ректор Московского зоотехнического института проф. М. М. Щепкин, «в неофициальной обстановке высказывались о возможности падения Советской власти из-за голода и разрухи»⁶⁶.

Обвинения против комитета сводились к изображению его антисоветской террористической организацией, готовившей свержение советской власти. В «Сообщении ВЧК» комитет связывался оккультным образом с Антоновым. Одновременно о декретом о ликвидации ВКПГ газеты опубликовали сенсационные материалы о раскрытии т. н. «Петроградской организации», возглавляемой проф. Таганцевым, и расстреле группы арестованных. Советский историк так и пишет: «Ликвидация ВКПГ совпала с ликвидацией ряда других контрреволюционных заговоров»⁶⁷.

М. Осоргин вместе с Е. Кусковой — подлинный историк комитета, неоднократно писавший о его деятельности и судьбе его членов, очень хорошо понимал смысл и причины ликвидации ВКПГ. После ареста в ожидании отправки в тюрьму Кускова спросила его: «— Как думаете. Михаил Андреевич, расстреляют нас? — Думаю, Екатерина Дмитриевна, что да.— И я тоже думаю»⁶⁸. Они, логически мыслящие люди, продолжает М. Осоргин, «ясно понимали затруднительное положение правительства. Обвинять нас, конечно, не в чем: единственное, в чем виноваты,— хотели сделать то, чего правители сами сделать не могут,— помочь голо-

дающим»⁶⁹. Во «Временах» М. Осоргин с присущей ему лаконичностью сказал о деятельности комитета: «Нескольких дней оказалось достаточно, чтобы в голодные губернии отправились поезда картофеля, тонны ржи, возы овощей — из центра и Сибири, как в кассу общественного комитета потекли отовсюду деньги, которых не хотели давать комитету официально. Огромная работа была произведена разбитыми, но еще не вполне уничтоженными кооперативами, и общественный комитет, никакой властью не облеченный, опиравшийся лишь на нравственный авторитет образовавших его лиц, посылал всюду распоряженья, которые исполнялись с готовностью и радостно всеми силами страны... Октябрьская власть должна была убить комитет прежде, чем он разовьет работу. В Приволжье погибло пять миллионов человек, но политическое положение было спасено»⁷⁰.

Писатель М. Осоргин сказал о деятельности комитета скупой и по-деловому. «Один из ведущих руководителей ВЧК» охарактеризовал эту деятельность лирико-поэтически. Хлопотавшему за арестованных членов комитета он заявил: «Вы говорите, что комитет не сделал ни одного негодного шага. Это — верно. Но он являлся центром притяжения для т. н. русского общества... Это мы не можем допустить. Знаете, когда нераспустившаяся верба опустят в стакан с водой, она начинает быстро распускаться. Так же быстро начал обростать старой общественностью и Комитет... Вербу надо было выбросить из воды и распотать...»⁷¹.

В поэтическом образе распустившейся вербы была реальная правда. Всероссийский комитет помощи голодающим становился — хотел он этого или нет — центром восстановления разгромленного революцией русского общества, восстановления которого больше всего на свете опасался Ленин. Преступлениями комитета были его существование, глубокий кризис, вынудивший советскую власть дать согласие на это существование, наконец, политика комитета, стремившегося объединить всех, кто мог помочь спасти от голодной смерти миллионы людей. Преступлением было и непонимание того, что спасение от голодной смерти силами общественности, в то время как государство не могло ничего сделать, было актом политическим. Преступлением, наконец, было обращение к православной церкви за помощью. Комитет решил обратиться к церкви, прежде всего к патриарху Тихону, «проживавшему в кельях Троицкого монастыря под строжайшим чекистским надзором», по двум главным мотивам: священники были крепче всех связаны с крестьянством; только русская церковь, и прежде всего патриарх Тихон могли побудить за границу к помощи голодающим. Узнав о посещении двумя членами ВКПГ — Н. Кишкиным и С. Прокоповичем — патриарха Тихона, благословившего деятельность комитета и обещавшего помощь, Каменев выразил неудовольствие: «Для чего комитет берет на себя эту организацию сил контрреволюции?» Но тем не менее правительство согласилось разрешить публикацию в бюллетене «Помощь» Воззвания патриарха Тихона, напечатанного 100-тысячным тиражом, и даже передать его по радио. Каменев пытался процензуровать Воззвание патриарха и потребовал выкинуть: «Молитвою у престола Божия, у родных святых, исторгайте прощение неба согрешившей земле». Е. Кускова вспоминает, что Каменев возмущался: «Что такое? Какой согрешившей земле? Мы не можем печатать весь этот мистический бред!» И тем не менее Воззвание было напечатано полностью. И этого комитету не забыли. «Не знаю,— пишет Е. Кускова,— подозревал ли покойный патриарх, что, развернув столь могучую энергию и подняв на дело спасения всю верующую Россию и за границу, он наносит смертельный удар самому делу вмешательства общественных сил? Ведь в глазах большевиков проявление его и нашей энергии было лишь организацией контрреволюции»⁷².

Всероссийский комитет помощи голодающим был ликвидирован, члены его арестованы и заключены во внутреннюю тюрьму ВЧК на Лубян-

ке. «Тюрьма была страшная,— вспоминает М. Осоргин, уже побывавший на Лубянке в 1919 г., знавший и царскую тюрьму,— без всякой возможности общения между камерами и с внешним миром; в царских тюрьмах эта возможность была. Не было книг, никогда не водили на прогулку. Нас кормили супом из воблы и воблой из супа; вобла гнилая и червивая...»⁷³. Е. Кускова пишет, что «Чека приговорила к смертной казни» трех членов комитета: ее, Н. М. Кишкина и С. Н. Прокоповича⁷⁴. М. Осоргин говорит о шести приговоренных к расстрелу, добавляя двух видных кооператоров, Д. С. Коробова, И. А. Черкасова, и себя — редактора бюллетеня «Помощь»⁷⁵. Вмешательство Фрильофа Нансена спасло членов комитета от расстрела. Арестованных стали освобождать. «Зачинщики» — Е. Кускова, Н. Кишкин, С. Прокопович, М. Осоргин, Д. Коробов и А. Черкасов — после нескольких месяцев заключения были высланы «во внутренние губернии». Советская власть впервые использовала эту старую, испытанную и гуманную форму репрессии — для устранения неугодных ей лиц. «Тогда это делалось так,— вспоминал М. Осоргин,— ночью вывезли нас на грузовике из тюрьмы Особого отдела, втокнули в вагон с разбитыми окнами и трое суток везли по морозу до первого этапа (моим была Казань). Зима была свирепая, а вагоны не отапливались. Кроме того, был сыпняк, и некуда было укрыться от насекомых»⁷⁶.

«Преступления» ВКПГ не были, однако, забыты. Арест и ссылка были только началом репрессий по отношению к его членам. Деятельность комитета была воспринята Лениным как еще одно свидетельство враждебности «старой интеллигенции» революции, как свидетельство смертельной опасности, которую она представляет для советской власти.

История Всероссийского комитета помощи голодающим — модель отношения советской власти к противникам, к тем, кто хочет ей помочь, но с оговорками, к интеллигенции: 1) уступки, если нет никакого иного выхода, 2) отказ от уступок, едва лишь опасность миновала, 3) месть за уступки.

Вместо смертной казни

Советские историки непосредственно связывают деятельность комитета и его ликвидацию с первым применением в Советской республике особой меры наказания, неизвестной царской России: высылки за границу.

И. Трифонов утверждает: «Постановлением ВЦИК от 30 августа 1921 «Комитет» был распущен, а лица, замешанные в контрреволюционной деятельности,— Кишкин, Прокопович и другие — высланы за границу»⁷⁷. Советский историк в одной фразе допускает несколько фактических ошибок: постановление ВЦИК было подписано 27 августа, Н. Кишкин не был выслан за границу, но смысл его утверждения ясен: в наказание за их деятельность члены комитета были высланы за границу, хотя высылка произошла только летом 1922 г. И. Чемерисский, тоже путая дату, согласен с Трифоновым по существу: «Летом 1922 г. наиболее непримиримые члены комитета (Прокопович, Кускова) были высланы из советской страны. Вскоре эмигрировали их сторонники, например, Зайцев»⁷⁸. Официальный историк органов Д. Голиков согласен со своими коллегами: «Советское правительство постановило ликвидировать комитет. Наиболее активные его «деятели» — Н. М. Кишкин, С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова и другие — были в административном порядке высланы из Советской страны»⁷⁹. Д. Голиков уточняет, что высылка была произведена «в административном порядке», т.е. по решению ГПУ, без суда. Это, однако, всего лишь деталь. Для всех советских историков бесспорна связь: голод в России — деятельность общественного комитета помощи голодающим — высылка за границу.

Между разгоном ВКПГ и высылкой за границу проходит год. Це-

лый ряд причин вызвал эту задержку. Прежде всего после ареста членов комитета шла подготовка к расстрелу инициаторов создания ВКПГ и заключению других в тюрьму. Давление заграницы вынудило Ленина отказаться от этих мер, ограничившись ссылкой в «места отдаленные». Затем необходимо было «изобрести» высылку. Представление о высылке за границу как мере наказания казалось совершенно необычным. Один из высылаемых вспоминал, что при посадке на пароход на лица провожающих «было изумление и тоска: ни один человек, как и мы сами, не мог, по-видимому, понять смысла нашего странного наказания — высылки за границу, — в то время, когда каждый почел бы для себя за спасение уход из советского эдема»⁸⁰.

Решение о применении новой карательной меры было принято, видимо, весной 1922 г. Когда Е. Кускова приехала в Берлин, она получила письмо от Горького, выехавшего из советской России в октябре 1921 г. «Дорогая Екатерина Дмитриевна! — писал Горький. — Приездом вашим не удивлен, ибо еще в апреле знал, что всех членов комитета решено «выселить» из России»⁸¹. 19 мая 1922 г. Ленин пишет письмо Дзержинскому, в котором детально излагает инструкцию по подготовке «высылки за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции»⁸². В первой же фразе письма Ленин называет социальную группу, которая должна подвергнуться репрессии, и обвинение, которое следует им предъявить. М. Осоргин считал, что инициатором изгнания за границу, «остракизма», был Троцкий. Нет сомнения, однако, что полное руководство операцией осуществлял лично Ленин. В мае Ленин редактирует Уголовный кодекс, указывая, в частности, в письме наркому юстиции: «г. Курский! По-моему надо расширить применение расстрела (с заменой высылкой за границу)»⁸³. Идея Ленина (найденная им или Троцким, быть может, у Платона) получит свое юридическое оформление в декрете об административной высылке (принят 10 августа 1922 г.), разрешающем без суда «применять высылку за границу или в определенные местности РСФСР на срок не свыше трех лет лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям»⁸⁴.

Болезнь Ленина задерживает проведение операции, но не прерывает подготовку к ней. Когда в сентябре 1922 г. арестованному Е. Замятину в тюрьме был вручен документ о «бессрочной высылке» за границу, в нем говорилось, что удостоверение выдается на основании постановления Совнаркома от 10 мая 1922 г.»⁸⁵.

В августе Ленин начинает постепенно возвращаться к делам. И — к главному делу, к решительному наступлению на новом «идеологическом фронте». ЦК партии отмечал: «...Выявилось в первые месяцы 1922 г. оживление деятельности остатков старой буржуазной интеллигенции, созданся т. н. идеологический фронт («возрождение буржуазной идеологии»)»⁸⁶. Возрождение «буржуазной идеологии» проявилось в открытии частных издательств и возобновлении выпуска журналов («Былое», «Голос минувшего»), в возобновлении деятельности профессиональных ассоциаций и объединений — инженеров, врачей, агрономов. В марте 1922 г. Ленин в статье «О значении воинствующего материализма» («Под знаменем марксизма») настаивает на необходимости «систематической, наступательной борьбы с буржуазной идеологией, с философской реакцией, со всеми видами идеализма и мистики», объявляя эту борьбу «первенствующей обязанностью коммуниста».

Борьба на «идеологическом фронте» означала борьбу, войну с интеллигенцией. Статья «О воинствующем материализме» была теорией этой войны. Письмо Дзержинскому от 19 мая — практическим руководством. Ленин председателю ГПУ намечает конкретные меры по подготовке «высылки за границу писателей и профессоров»: собрать специальное совещание руководящих работников ГПУ⁸⁷, обязать членов Политбюро принять участие в цензурской деятельности: просмотр книг и периодических

изданий, собрать систематические сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей. И тут же Ленин дает пример «отзыва», образец цензорской работы, характеризуя два петербургских журнала. Закрытая «питерскими товарищами» «Новая Россия» кажется цензору не совсем потерянной для советской власти. Во всяком случае, замечает председатель Совнаркома, «не все сотрудники этого журнала кандидаты на высылку за границу». Зато второй журнал — «Экономист», орган XI отделения Русского технического общества — никакого снисхождения не заслуживает: «Это, по-моему, явный центр белогвардейцев.⁸⁸ В № 3 (только третьем!!! это nota bene!) напечатан на обложке список сотрудников. Это, я думаю, почти все — законнейшие кандидаты на высылку за границу». И Ленин резюмирует: «Все это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи. Надо поставить дело так, чтобы этих «военных шпионов изловить и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу»⁸⁹.

Война была объявлена. «Профессора и писатели» обвинены в воинских преступлениях — шпионаже, контрреволюции, а также в «растлении молодежи». Письмо Дзержинскому было секретным. На этом настаивал Ленин, подозревая, возможно, что обвинения чуть преувеличены. Но и в печати он не стеснялся в выражениях. 5 мая 1922 г. Ленин называет в «Правде» сборник «Освальд Шпенглер и закаты Европы» «литературным прикрытием белогвардейской организации». Авторы статей сборника — Н. Бердяев, Я. Букшпан, Ф. Степун — не будут забыты при составлении списков высылаемых за границу.

Историк ВЧК—ОГПУ Д. Голиков расшифровывает употребляемое Лениным понятие — «профессора и писатели». Это — интеллигенция: «антисоветские партии, действуя через интеллигенцию (профессуру, специалистов, литераторов), вели работу среди учащейся молодежи, мелкобуржуазных и обывательских элементов, создавали опорные пункты в высшей школе, в печати, литературных кругах, кооперации... В некоторых философских трактатах протаскивалась буржуазная идеология. Публиковались формалистические, далекие от жизни литературные произведения. На съезде врачей раздавались голоса, направленные против «коммунистического окружения». Антисоветские выступления прозвучали на агрономическом съезде и съезде сельскохозяйственной кооперации»⁹⁰.

Переход к новой экономической политике показался русской интеллигенцией началом новой эры. Разгон и арест членов ВКПГ не смог охладить надежд на возможность демократизации режима. На II Всероссийском съезде врачей (май 1922 г.), о котором упоминает Д. Голиков, критиковалась «советская медицина» и «восхвалялась медицина земская», выдвигались требования «полной демократии», врачи требовали разрешения создания самостоятельного профсоюза и выпуска своего печатного органа. На III агрономическом съезде (март 1922) крупнейшие русские экономисты сельского хозяйства — профессор Б. Бруцкус, Н. Кондратьев, А. Чайнов и др. — выступали против вмешательства государства в сельское хозяйство, за развитие частной инициативы. 10 марта в Доме Союзов был организован публичный диспут между «марксистами-аграрниками» и их критиками. «Правда» писала на другой день, что огромное количество людей, не доставших билеты, рвалось в зал, до позднего вечера осаждая все входы и выходы Дома Союзов⁹¹. Все рвались послушать Б. Бруцкуса и А. Чайнова. Голод еще свирепствовал на русской земле, и многим хотелось услышать объяснение его причин. Для проф. Бруцкуса сомнений не было: политика советской власти и разверстка повинны в голоде. «Мы не можем признать принципа национализации земли совместимым с требованием нормального развития народного хозяйства. Аграрник-марксист С. Дубровский отвечал проф. Бруцкусу в поэтической форме: «Бруцкус оттачивал стрелы частной собственности, чтобы их

направить в сердце земельной политики Советской власти — в национализацию земли⁹².

Этого рода ответы, научные дебаты представляются Ленину опасными и бессмысленными. Он считает необходимым использовать вместо оружия критики критику оружием. На тексте записки наркомздрава Семашко о «важных и опасных течениях в медицинской среде», проявившихся на съезде врачей, Ленин пишет указание «т. Сталину» поручить «Дзержинскому (ГПУ) при помощи Семашко выработать план мер и доложить в Политбюро в (2 недели/срок)». Записка Сталину следует сразу же после письма Дзержинскому о подготовке высылки «профессоров и писателей».

В июне 1922 г. начинается процесс эсеров, который М. Горький, по настоянию Ленина выехавший за границу, рассматривает как очередной удар по интеллигенции. Обратившись сначала с письмом к Анатолию Франсу, в котором Горький называет «суд над социалистами-революционерами... публичным приготовлением к убийству людей, искренно служивших делу освобождения народа» и просит французского писателя ходатайствовать о «сохранении ценных жизней социалистов». Буревестник революции обращается затем с письмом к Рыкову, подчеркнуто минуя председателя Совнаркома: «Алексей Иванович! Если процесс социалистов-революционеров будет закончен убийством,— это будет убийство. Я прошу Вас, сообщите Л. Д. Троцкому и другим (нетрудно понять, кого имел в виду автор письма под «другими». — М. Г.), что это мое мнение. Надеюсь, оно не удивит Вас, ибо Вам известно, что за все время революции я тысячекратно указывал Советской власти на бессмыслие и преступление истребления интеллигенции в нашей безграмотной некультурной стране...»⁹³.

В дни, когда начался процесс эсеров, в защиту которых Горький выступал сам и мобилизовал западную общественность, был утвержден приговор о расстреле 5 из 11 обвиняемых по делу «о сокрытии церковных ценностей». Этот приговор должен был «не только отрезвить горячие контрреволюционные поповские головы, но и преподать уроки элементарной политической азбуки новому Высшему Церковному Управлению»⁹⁴. В августе, полагая, видимо, что московский «урок элементарной политической азбуки» был недостаточен, президиум ВЦИК утвердил еще 4 смертных приговора (из 10) по делу петроградского духовенства и верующих. В числе расстрелянных был митрополит Вениамин.

К смертной казни были приговорены 12 из обвиняемых по делу эсеров, но «исполнение приговора» суд решил «приостановить». Тем самым было выполнено и пожелание Ленина, настаивавшего на расстреле и негодовавшего на Бухарина и Радека, обещавших за поддержку советской власти социалистическим интернационалом пощадить обвиняемых, но суд прислушался и к пожеланиям Горького и мирового прогрессивного общественного мнения. Приговор был приведен в исполнение несколько лет спустя.

Духовенству и эсерам были предъявлены конкретные обвинения: отказ сдать церковные ценности в фонд помощи голодающим, антисоветские террористические акты. И хотя церковь соглашалась сдать ценности, хотя деятельность эсеров относилась к годам гражданской войны и была амнистирована или однажды уже наказана,— обвинения легко было использовать в пропагандных целях. Труднее было подыскать обвинения для «профессоров и писателей»: можно было попытаться представить Комитет помощи голодающим как белогвардейский центр, связанный одновременно с Антоновым, Милюковым и Клемансо, труднее было изобразить контрреволюционными заговорщиками авторов философских книг, ученых, экономистов, врачей, только за высказывание неортодоксальных идей.

Высылка за границу была решением радикальным и, одновременно, по сравнению со смертными приговорами, выносимыми на публичных

процессах, мерой «гуманной». Возможность массовой высылки «профессоров и писателей» впервые упоминается Лениным в мае 1922 г. в письме Курскому как наказание, заменяющее расстрел. Это наказание имело (среди других) и то преимущество, что могло быть массовым, единовременным расстрел ста или двухсот виднейших представителей русской интеллигенции представлялся в начале 20-х годов предприятием рискованным, могущим вызвать неблагоприятное впечатление за границей. К тому же малочисленность русской интеллигенции, казалось бы, препятствовала ее дальнейшему резкому сокращению. М. Горький писал 10 июня 1922 г. из Берлина американке Джейн Адамс, что «творцов русской науки и культуры», без которых «нельзя жить, как нельзя жить без души», во всей России «только 9000»⁹⁵. В середине 1921 г. происходит событие, которое открывает коммунистической партии новые возможности в борьбе на идеологическом фронте. В Праге выходит сборник «Смена вех», оформляющий «сменовеховство», движение, начавшееся в Советском Союзе и активно поддержанное партией⁹⁶.

«Сущность всех статей сборника,— писали «Известия»,— сводится к приятию Октябрьской революции и к отречению от всякой борьбы против ее результатов»⁹⁷. «Известиям» вторит «Правда»: «Жизнь учит (авторов книги), и они способные ученики. Логика жизни заставит их идти все дальше и дальше по пути сближения с революцией»⁹⁸. Выступая на II Всероссийском съезде политпросветов (октябрь 1921), Троцкий настаивает: «Нужно, чтобы в каждой губернии был хоть один экземпляр этой книжки «Смена вех»⁹⁹. Наконец, Ленин на XI съезде партии (март-апрель 1922) заявляет: «Сменовеховцы выражают настроения тысяч и десятков тысяч всяких буржуев или советских служащих, участников нашей новой экономической политики»¹⁰⁰.

Сменовеховство дает идеологию той части русской интеллигенции, которая боролась с советской властью, потерпела поражение и решила сдаться на милость победителям. Идеологией этой был патриотизм, признание Октябрьской революции — русской революцией, советской власти — русской властью. Как выразился Троцкий о сменовеховцах: «Они подошли... к советской власти через ворота патриотизма...»

Для партии «ворота» значения не имели, имело значение место прибытия через эти ворота. Не имело значения и то, что идеологами сменовеховства были представители крайне правых партий: октябристов, правых кадетов, даже монархистов. Большевики всегда относились подозрительно к «левым».

Имело огромное значение прежде всего то, что «сменовеховство» позволило расколоть интеллигенцию и дать модель «полезной советской интеллигенции». «Полезная интеллигенция», сдавшись на милость победителей, отказывалась от всех претензий на участие в руководстве страной, наукой или культурой, от критики, она просила лишь одного, дать ей возможность работать под руководством коммунистической партии, выполнять задания партии.

В письме Дзержинскому¹⁰¹ Ленин делает тонкое различие между двумя «интеллигентскими» изданиями: он настаивает на возобновлении деятельности «сменовеховской» «Новой России», закрытой излишне ретивыми «питерскими товарищами», и закрытии «явного центра белогвардейцев» — журнала «Экономист». В конце 1921 г. начинается возвращение «сменовеховцев» на родину. В числе первых возвращается обер-прокурор Священного Синода В. Н. Львов.

Хлыст диктатуры

В мае 1922 г. Ленин, незадолго до первого приступа своей болезни, поручает Дзержинскому начать подготовку к высылке «писателей и профессоров». Письмо это секретное. Но 2 июня «Правда» публикует

статью под истерическим заголовком «Диктатура, где твой хлыст?», в которой излагает проект Ленина и определяет круг жертв. Статья «Диктатура, где твой хлыст?», подписанная одной лишь буквой «О»¹⁰², выделяется своим беспримерно грубым языком на фоне публицистики 20-х годов и могла бы фигурировать в хрестоматии советской журналистики рядом с ярчайшими ее образцами 1937—1938, 1948—1952 годов. Поводом для статьи послужила книжечка Ю. Айхенвальда «Поэты и поэтессы», содержащая 96 страниц, посвященных истории русской поэзии. «Мы здесь не литературную критику или антикритику собираемся писать,— предупреждает анонимный автор статьи.— Мы ставим чисто политический вопрос. Или вернее — мы зовем к политическому ответу». Анонимный автор констатирует: «Книжка г. Айхенвальда насквозь пропитана трусливо-пресмыкающейся, гнилой, гневной ненавистью к Октябрю... Это философское, эстетическое, литературное, религиозное лизоблюдство, т. е. мразь и дрянь... И т. д. и т. п. Конкретные обвинения, предъявленные Ю. Айхенвальду, носят литературный характер: критик «мимоходом лягает Некрасова... Некрасову противопоставляются истинные поэты — Фет и Тютчев». Автор статьи убежден, что Некрасов лучше Фета и Тютчева. Более серьезно обвинение в том, что Ю. Айхенвальд пытался мимоходом лягнуть Брюсова за его «безвкусие», ибо «Брюсов... не отшатнулся от Октября». Еще серьезнее обвинение в том, что «отравленный собственной ничтожностью реакционера Айхенвальд с безграничным восторгом цитирует поэта, который поднял меч против революции и от меча погиб...» Однако все эти обвинения вряд ли заслуживали бы иступленной статьи в «Правде». С. Бобров опубликовал рецензию на книжку Ю. Айхенвальда в «Печати и революции»¹⁰³, в которой так же упрекает критика за восторженный отзыв о Гумилеве, но в конечном счете сводит все к глупости автора «Поэтов и поэтесс». «Глупо, скучно и черносотенно»,— заключает С. Бобров. Заключение статьи анонимного автора в «Правде» объясняет причину ее публикации: «Но у диктатуры есть в запасе хлыст, и есть зоркость, и есть бдительность. И этим хлыстом пора бы заставить Айхенвальда убраться за черту, в тот лагерь содержания, к которому они принадлежат по праву со всей своей эстетикой и со своей религией».

В июне 1922 г. не было специальной необходимости напоминать о «хлысте» диктатуры, память о нем жила у всех граждан республики. К тому же статья была опубликована в дни процесса эсеров, в дни процессов духовенства. Статья в «Правде» наметила круг новых жертв, назвала новую форму репрессий.

В числе первых были высланы в июне 1922 г. Е. Кускова и С. Прокопович. Основная группа высылаемых была «подготовлена» к августу.

31 августа «Правда» публикует сообщение о мерах по «очистке» Советской республики под заголовком «Первое предостережение». «Определенные слои буржуазной интеллигенции не примирились с советской властью»,— констатирует «Правда». И далее перечисляются «опорные пункты» антисоветской работы: «Важнейшей их цитаделью была высшая школа... Политиканствующие ученые-профессора на каждом шагу оказывали упорное сопротивление советской власти, приступившей к реформированию высшего образования. Эти группы... упорно, злобно и последовательно старались дискредитировать все начинания Советской власти, подвергая их якобы научной критике. В области публицистики они гнули ту же линию. Художественная литература, издаваемая в этих кругах, была также антисоветская. В области философии они проповедовали мистицизм и поповщину... Группа антисоветски настроенных врачей усердно фабриковала антисоветское мнение в своей среде... контрреволюционные элементы из агрономов вели ту же работу в своей области... В кооперации ту же работу вели меньшевики и эсеровские элементы... Наконец, некоторые группы этих антисоветских элементов искали тоже

сближения с контрреволюционным движением той части духовенства, которая активно выступила против изъятия церковных ценностей...»

Приговор: «По постановлению Государственного Политического Управления наиболее активные контрреволюционные элементы из среды профессоров, врачей, агрономов, литераторов высланы в северные губернии, часть за границу». В сообщении выражается уверенность, что «принятые советской властью меры предосторожности будут, несомненно, с горячим сочувствием встречены со стороны русских рабочих и крестьян, которые с нетерпением ждут, когда, наконец, эти идеологические врангелевцы и колчаковцы будут выброшены с территории РСФСР». Формула эта представляет собой исторический интерес как первый вариант обязательного позднее клише: «идя навстречу пожеланиям трудящихся...» Клеймо «идеологические врангелевцы и колчаковцы» полвека спустя, при высылке А. Солженицына превратилось в «литературный власовец».

Сообщение успокаивало: «Среди высланных почти нет крупных научных имен» и, возвращаясь к заголовку, предупреждало: «Высылка активных контрреволюционных элементов из буржуазной интеллигенции является первым предостережением советской власти по отношению к этим слоям...»

30 августа Троцкий в интервью американской журналистке Луизе Брайант (подруге Джона Рида), корреспондентке «Интернейшенел Ньюс Сервис», объяснил причины высылки: «Те элементы, которые мы высылаем и будем высылать, сами по себе политически ничтожны. Но они потенциальное оружие в руках наших возможных врагов. В случае новых военных осложнений, а они, несмотря на все наше миролюбие, не исключены,— все эти наши непримиримые и неисправимые элементы окажутся военно-политическими агентами врага. Мы вынуждены будем расстрелять их по законам войны. Вот почему мы предпочли сейчас в спокойный период выслать их заблаговременно. И я выражаю надежду, что вы не откажетесь признать нашу предусмотрительную гуманность и возьмете на себя ее защиту перед общественным мнением». Троцкий, следовательно, чувствуя себя, как народный комиссар по военным и морским делам, ответственным за безопасность страны, был рад очищению советской республики от потенциальных «военно-политических агентов врага». И требовал благодарности за «предусмотрительную гуманность».

Виднейший идеолог «сменовеховства» Николай Устрялов, который на протяжении всей первой половины 20-х годов будет вести подлинный диалог с вождями партии — Лениным, Троцким, Зиновьевым, Сталиным, отмечая, что «самый факт репрессий», сама высылка могут произвести неблагоприятное впечатление, приводит три соображения, «помогающие преодолевать пессимистические порывы, рождающиеся в чересчур впечатлительных людях в связи с мерой советской власти». Первое соображение — повторяет слова Троцкого: «мера пресечения» — относительно гуманная; если так пойдет и дальше, если режим будет и дальше смягчаться такими же темпами — жаловаться грех. Второе соображение можно назвать — физиологическим: в России,— рассуждает Н. Устрялов,— происходит чисто животный процесс восстановления органических государственных тканей. «Мозг страны» не должен мешать этому процессу, должен (на короткое время, полагает публицист) воздержаться от выполнения своей прямой функции — мысли. Мозг мешает восстановительному процессу, и его как бы изымают — на время — из организма. Наконец, третье соображение — историческое: разве мы, русские интеллигенты, люди мысли, не ждали революции, не способствовали ей, не тосковали о «новых гуннах», не звали их растоптать старый мир? Так нечего жаловаться, когда и впрямь появился «скиф» с исконными чертами варвара». Атилл,— припоминает Н. Устрялов,— «не знал хорошего тона. И покуда он был нужен истории, молчало римское право»¹⁰⁴,

Н. Устрялов убежден, что большевики, Октябрьская революция нужны истории, нужны России.

Некоторые из высланных считали инициатором высылки Троцкого. Ю. Айхенвальд убежден был, что Троцкий написал статью «Диктатура, где твой хлыст?», хотя вряд ли были у него основания прикрываться псевдонимом. Другие полагали, что инициатива высылки принадлежит Зиновьеву¹⁰⁵ или Дзержинскому. Документы, опубликованные до сегодняшнего дня, не оставляют сомнения в том, что инициатором высылки был лично Ленин. Неизвестно, были ли противники этой новой формы репрессий. Известно зато, что XII партийная конференция, работавшая с 4 по 7 августа 1922 г., утвердила инициативу Ленина: «...Нельзя отказываться и от применения репрессий не только по отношению к эсерам и меньшевикам, но и по отношению к политиканствующим верхушкам мнимо-беспартийной, буржуазно-демократической интеллигенции, которая в своих контрреволюционных целях злоупотребляет коренными интересами целых корпораций и для которых подлинные интересы науки, техники, педагогики, кооперации и т. д. являются пустым словом, политическим прикрытием»¹⁰⁶. «Буржуазно-демократическая интеллигенция» прямо обвинена в контрреволюционной деятельности, а в сообщении ГПУ о высылке оставлены только контрреволюционные цели, без всякого упоминания «буржуазной демократии». Для Ленина демократия и контрреволюция — после прихода к власти — были взаимозаменяемыми синонимами. Ленину принадлежит и первый проскрипционный список: обозначение круга лиц и профессий, подлежащих изгнанию, а также ряд имен.

Численность высланных до сих пор с точностью не установлена. Сами изгнанники о составлении списка не позаботились, из советских историков лишь С. Федюкин называет цифру — «160 наиболее активных буржуазных идеологов»¹⁰⁷, прибавляя, однако, что часть из них были высланы «за рубеж», а часть «в северные губернии».

Кто же был выслан? Вопрос этот представляет значительный интерес, ибо это был первый в истории России случай изгнания за границу значительной группы «людей мысли», которых, к тому же, так стране не хватало. Кроме того, ответ на этот вопрос позволяет выявить источники важнейшего принципа позднейшего, сталинского «большого террора». Анализируя составленный сегодня далеко не полный список высланных, следует прежде всего отказаться от вопроса: за что выслан? Ставя такой вопрос, историк немедленно попадает в ловушку, поставленную организаторами высылки. В ловушку эту попадают даже некоторые советские историки, утверждающие, например, что Н. Кишкин, обвиняемый по делу Комитета помощи голодающим в сношениях с Антоновым в составлении плана нового «антисоветского» устройства России, был выслан. Это было бы логично, если бы обвинения были подлинными, если бы выслали «за дело». В действительности, Н. Н. Кишкин оставался в Советском Союзе до своей смерти в 1930 г. С другой стороны, Е. Замятин был арестован и получил приговор, подписанный Ягодой, о высылке за границу. Писателю удалось сравнительно легко добиться отмены этого решения.

Можно полагать, что было принято решение нанести удар по интеллигенции и намечены основные центры независимой мысли, которые предполагалось парализовать. Были — Лениным — названы некоторые имена — людей, которых необходимо было выкинуть из страны. В остальном инициатива оставлялась ГПУ, влиятельным партийным деятелям и их приближенным, сводившим личные счеты. Ю. Айхенвальд, например, был убежден, что его высылка была делом рук Брюсова. Журналист Н. Волковыцкий был включен в список высылаемых, ибо входил в состав «комитета по поискам Н. Гумилева» и участвовал в розысках поэта до публикации сообщения о его расстреле,

Профессиональный состав высланных красноречив. Были высланы ректор Московского университета проф. Новиков (зоолог) и ректор Петербургского университета проф. Карсавин (философ), значительная группа математиков во главе с деканом математического факультета МГУ проф. Стратоновым¹⁰⁸; значительный урон понесли сельскохозяйственные науки — агрономия, экономика: в числе высланных — профессора Бруцкус, Зворыкин, Лодыженский, Прокопович, агрономы — Угримов, Велихов и др., в ту же группу следует отнести кооператоров А. Изюмова, В. Кудрявцева, А. Булатова (с их высылкой был ликвидирован кооператив «Задруга»); тяжелый удар был нанесен истории: высланы такие известные историки, как А. Кизеветтер, А. Флоровский, В. Мякотин, А. Боголепов; социолог Питирим Сорокин,

В сообщении ГПУ подчеркивалось — «среди высылаемых почти нет крупных научных имен». Почти нет... Все же, следовательно, даже ГПУ признавало наличие какого-то количества «крупных научных имен». Список высланных философов сегодня представляет собой перечень крупнейших русских философов XX века: Н. Бердяев, С. Франк, Н. Лосский, С. Булгаков, Ф. Степун, Б. Вышеславцев, И. Лапшин, И. Ильин, Л. Карсавин, А. Изгоев... Этот список почти целиком составлен Лениным. Не забыт был, конечно, Всероссийский комитет помощи голодающим. Были высланы члены Комитета Е. Кускова, С. Прокопович, М. Осоргин, В. Булгаков, профессора П. Велихов, В. Ястинский, А. Угримов. Помня, видимо, слова Платона: нет политики без философов, Ленин, изгоняя философов, надеялся избавиться от политики.

В список высланных были, кроме того, включены люди, которые не переставали задавать себе вопрос: за что меня?, — о которых знакомые и друзья не переставали себя спрашивать: за что же его? Эта неопределенность, отсутствие конкретных обвинений, вынуждавшее жертву искать самой свою «вину», создавали атмосферу всеобщей виновности, были сутью новой репрессивной политики.

Операция «высылка за границу» была произведена по всей стране: в Москве, Петрограде, Киеве, Ялте и других городах были произведены аресты включенных в список, все они были препровождены в тюрьмы, где, просидев — в зависимости от порядков в данной тюрьме — от нескольких дней до двух месяцев, должны были подписать бумагу, в которой говорилось, что в случае возвращения в РСФСР высылаемый будет подвергнут расстрелу¹⁰⁹. Как справедливо замечает юрист по образованию М. Осоргин, «по закону» это не полагалось, закон предусматривал высылку на три года, но «устно» было разъяснено, что высылка «навсегда»¹¹⁰. Высылаемым разрешалось взять с собой: одно зимнее и одно летнее пальто, один костюм и по две штуки всякого белья, две денные рубашки, две ночные, две пары кальсон, две пары чулок. Золотые вещи, драгоценные камни были к вывозу запрещены, надо было снять с шеи даже нательные кресты. Кроме вещей, разрешалось взять по 20 долларов валюты.

Осенью 1922 г. два немецких парохода «Обербюргермейстер Хакен» и «Прейссен» привезли в Германию «единственный товар, который нынешнее русское правительство поставляет Европе обильно и бесплатно: хранителей культурных заветов России»¹¹¹.

Особый случай

Член Комитета помощи голодающим А. М. Горький покинул советскую республику раньше всех — в октябре 1921 г., когда шесть его товарищей по Комитету еще сидели в Лубянской тюрьме. Отъезд его не был формально высылкой: Горького не арестовали, не заставили дать подписку под приговором. И в то же время отъезд самого знаменитого из русских писателей того времени не был целиком добровольным. Выезд Горького за границу был особым случаем высылки.

Разногласия отца пролетарской литературы с большевиками начинаются еще до Октябрьского переворота. В июле 1918 г. закрывается газета Горького «Новая жизнь», в которой писатель регулярно публикует свои «Несвоевременные мысли» — беспощаднейшее разоблачение политики большевистской партии и поведения ее вождей, «отравленных гнилым ядом власти». Личная вражда с Зиновьевым, которого Горький высмеял в комедии «Работяга Словотеков», запрещенной после двух представлений (июнь 1920), сделала положение писателя еще более затруднительным. Тем более, что Ленин начинает все энергичнее настаивать на отъезде Горького. Следы этого настойчивого желания избавиться от бывшего друга и верного источника финансирования партии обнаруживаются в опубликованной корреспонденции Ленина. 24 июня 1921 г., например, Ленин пишет записку начальнику секретно-оперативного управления ВЧК с просьбой как можно быстрее удовлетворить просьбу Горького, «ибо он из-за этого не едет за границу». Ленин настаивает: «Распорядитесь экстренно, проявите власть, добейтесь исполнения»¹¹². Главное — чтобы Горький поскорее уехал. «У него кровохарканье!» — добавляет председатель Совнаркома. К этому времени писатель уже 30 лет болел туберкулезом и «кровохарканье» стало ритуалом, который использовался и во благо и во вред Горькому до самой его смерти 15 лет спустя.

Горький тянет с отъездом. В те дни, когда Ленин так хочет от него избавиться, Горький содействует установлению связей между представителями общественности, желающими организовать помощь голодающим, и властью. Позиция писателя единственная в своем роде: он вхож в оба «дома». И в Кремль, где очень недовольны, но где его принимают, и в интеллигентские круги, где помнят не только о том, что он писатель, но и о том, что он многое сделал для спасения «людей мысли» от голода и правительственных преследований. Горький, однако, не чувствует себя ни в одном из этих «домов» — дома. Он недоволен политикой партии. Он пренебрежительно относится к инициативе интеллигенции. Горький входит в состав Комитета помощи голодающим, но не принимает участия в его работе. От своих кремлевских друзей он знает, что Комитет обречен. Горький пишет обращение к мировой общественности с требованием помочь голодающим в России. Обращение его поражает своим раздраженным тоном и обидой на весь мир за голод в России: «...Несчастье, которое поразило Россию, предоставляет превосходный случай защитникам гуманности доказать жизненность их идей. Я полагаю, что особенно ревностное участие в этом деле должны принять те, которые во время постыдной войны возбуждали народы друг против друга, уничтожая этой пропагандой воспитательное влияние прекрасных идей, выработанных человечеством с такими усилиями и так легко убитых культом золота и глупости»¹¹³. Но именно на это обращение Горького немедленно откликнулся Герберт Гувер, предложив хлеб голодающим.

Раздраженность Горького, его неудобное положение между двух стульев объясняются его расхождением с Лениным. Находясь уже в Берлине, Горький заявляет: «В принципе я совершенно разделяю теорию Ленина и твердо верю в международную социалистическую революцию»¹¹⁴.

«В принципе» писатель разделял «теорию Ленина». С практическим ее осуществлением, прежде всего в одном вопросе, Горький был не согласен: в вопросе отношения к интеллигенции.

В своем обращении к мировой общественности Горький говорит о «несчастье, которое поразило Россию». В обращении к рабочим Франции¹¹⁵ писатель объясняет, что же он имеет в виду под «несчастьем»: «Голод — следствие небывалой засухи... может уничтожить лучшую энергию страны, в лице рабочего класса и научных сил...»

Голод обрушился на огромную территорию, населенную в своем подавляющем большинстве крестьянами, это они гибнут от голода сотнями тысяч, миллионами. Но они пролетарского писателя не интересуют.

С поразительным хладнокровием скажет он, приехав в Берлин: «Я полагаю, что из 35 миллионов голодных большинство умрет»¹¹⁶. Пять лет спустя, когда было уже известно, что умерло от голода всего каких-нибудь 5 миллионов, Горький утешал А. Воронского: «Если мужик со своей пшеницей исчезнет, горожанин научится ее делать в лаборатории. Творческий труд революционен, труд собирателя — консервативен»¹¹⁷.

Незадолго до своего отъезда за границу в беседе с корреспондентом «Дейли ньюс» в Петрограде А. М. Горький изложил свои взгляды на положение, объяснил свое отношение к крестьянству: «на будущее я смотрю мрачно. Если хотите, даже пессимистически. Население нашей страны я разделяю на две противоположные группы: городское и крестьянское. Они различаются друг от друга не только по месту жительства и культурному уровню, но по интересам, по историческим воспоминаниям и психологии... В деревне нашей сильны анархистские тенденции, она, по природе своей, антигосударственна. Она не приемлет и не признает *никакой* государственной власти и особенно жестоко брыкается, когда делается малейшее покушение на ее собственность... В будущем я предвижу стихийное столкновение с деревней, в исходе которого пострадаем мы»¹¹⁸.

Едва выехав за границу, Горький пишет статью «О русском крестьянстве», наиболее безжалостное осуждение русского народа, когда-либо написанное русским писателем. Только интеллигенцию очищает Горький от всех обвинений и грехов. И в заключение выражает надежду: «...вымрут полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень — все те, почти страшные люди, о которых говорилось выше, и место их займет новое племя — грамотных, разумных, бодрых людей»¹¹⁹.

А. М. Горький, считавший политику Ленина по отношению к интеллигенции слишком суровой, а политику по отношению к крестьянству излишне уступчивой, был вынужден покинуть советскую республику. После опубликования им писем в защиту интеллигентов-эсеров и статьи «О русском крестьянстве» буревестник революции был включен в список тех, кого следовало систематически «высмеивать и травить».

20 июля 1922 г. профессионал «высмеивания и травли» Демьян Бедный выносит Горькому приговор в «Правде»: «...Он, конечно, нездоров: насквозь отравлен тучей разных остервенело-буржуазных белогвардейских комаров. Что до меня, давно мне ясно, что на него, увы, напрасно мы снисходительно ворчим: он вообще неизлечим».

А. М. Горький — на время, до «излечения» — сопричисляется к изгнанным. Оставаясь, тем не менее, особым случаем.

Отсутствующий фактор

Трудно (если вообще возможно) оценить влияние на жизнь страны и народа отсутствующего фактора — группы «профессоров и писателей», «людей мысли», людей независимо мыслящих. Быть может, значение «отсутствующего фактора» становится очевидным при изучении духовной жизни Германии, другой страны, которая позволила себе роскошь изгнания «людей мысли», которая жила без них всего 10—12 лет, но ощущает их отсутствие и сегодня, через четверть века после падения гитлеризма.

Изгнание «людей мысли» из Советской республики было результатом кризиса 1921 г., когда советское государство, оказавшись перед лицом катастрофы, неразрешимой собственными средствами — голода, угрожавшего гибелью десяткам миллионов граждан, вынуждено было заключить «похабный договор» с общественностью и согласиться на создание Всероссийского комитета помощи голодающим, уступив тем самым частицу своей власти, нарушив тем самым священный принцип ленинской политики — нераздельность власти. Создание ВКПГ было первым и последним нарушением — доктрины ленинизма.

Существование Комитета, плодотворность его прерванной в самом начале деятельности показали Ленину, что «красный террор» периода «военного коммунизма» еще не уничтожил общества, общественных связей, не ликвидировал памяти о прошлом. «Сменевеховство», идеология капитуляции, признания за победителями права на выражение «русской идеи», признания легитимности, дополнив революционную идеологию, облегчило Ленину нанесение тяжелейшего удара по русской интеллигенции. Той, которая, оставшись в стране, отказавшись от эмиграции, надеялась найти модус вивенди с победителем на основе взаимного уважения и — даже сотрудничества. Высылка за границу означала — на советском языке — ультиматум интеллигенции: сдача на милость победителя или гибель.

Интеллигенция приняла ультиматум. Сдалась. М. Осоргин рассказывает, как, идя перед отъездом за границу на последнее заседание Всероссийского Союза писателей, одним из организаторов и руководителей которого он был, он подготовил краткую речь в ответ на «прощальное приветствие, которое естественно ожидал». Приветствия не было. «И внезапно я догадываюсь, — пишет М. Осоргин, — что Союз уже достаточно напуган, что он уже не тот, и будущее его предопределено»¹²⁰.

Будущее на долгие десятилетия — предопределено. В процессе ликвидации русского общества, в процессе порабощения интеллигенции период август 1921 — август 1922 г. — играет важнейшую роль. Для тех, кто был выслан, выброшен с родной земли, годы изгнания были временем плодотворной творческой деятельности, размеры которой становятся по-настоящему понятны лишь сегодня, в частности после публикации парижским «Славянским институтом» библиографии М. Осоргина, С. Франка, Н. Бердяева, Н. Лосского и др. Не все еще из сделанного ими вернулось на родину. Но это — дело времени. Люди живут десятилетия. Народы — века. И если сравнить сделанное изгнанниками и тем, кто остался, или — вернулся из эмиграции, становится очевидным, что свобода в изгнании была неизмеримо плодотворнее пребывания на родине и несвободы.

Артур Кестлер сравнивает коммунистический режим с героем знаменитого рассказа Стивенсона, имевшим два лица. Для «людей мысли», изгнанных из РСФСР в 1922 г., режим обернулся лицом доктора Джекиля, оставшаяся на родине интеллигенция увидела перед собой облик товарища Хайда. Это было — первое предостережение.

Примечания

¹ Д. Л. Голиков — Крах вражеского подполья. М. 1971, стр. 302.

² С. А. Федюкин — Великий Октябрь и интеллигенция. М. 1972, стр. 287.

³ Anatol G. Mazouз — The Whriting of History in the Soviet Union. Stanford, 1971.

⁴ Николай Бердяев — Самопознание (опыт философской автобиографии). Париж, 1949, стр. 263.

⁵ Михаил Осоргин — Времена. Париж, 1955, стр. 182.

⁶ Николай Бердяев — Самопознание, стр. 263.

⁷ Первая группа — московская — выехала в конце сентября; петербургская группа — в ноябре; С. Булгаков — из Севастополя — в декабре 1922 г.

⁸ А. Иванский — Молодой Ленин. М., 1964, стр. 640.

⁹ Ю. А. Поляков — 1921-й: победа над голодом. М. 1975, стр. 14, 19-20.

¹⁰ В. Водовозов — В. И. Ленин в Самаре. М., 1933, стр. 101.

^{11, 12, 13} А. Беляков — Юность вождя. М. 1960, стр. 75-82.

¹⁴ В. И. Ленин — Полное собр. соч., т. 45, стр. 285.

¹⁵ «Правда», 21 июля 1921 г.

¹⁶ В. И. Ленин — Полное собр. соч., т. 36, стр. 529.

¹⁷ Там же, т. 50, стр. 144-145.

¹⁸ Там же, т. 50, стр. 154.

¹⁹ Там же, т. 50, стр. 185-186.

²⁰ Там же, т. 37, стр. 137.

²¹ М. И. Калинин — За эти годы. Книга вторая, М.-Л., 1926, стр. 106.

²² И. Я. Трифонов — Классы и классовая борьба в СССР в начале НЭПа. Л., 1964, стр. 216.

²³ И. Я. Трифонов, оп. cit., стр. 250.

²⁴ И. Я. Трифонов, оп. cit., стр. 252.

²⁵ Там же, стр. 267.

²⁶ Там же, стр. 297.

²⁷ «Правда». 2 июля 1921 г.

²⁸ И. Трифонов — Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы НЭПа. М., 1960, стр. 21.

²⁹ Старая большевичка, дочь близкого сотрудника Ленина С. Гусева (Е. Драбкина), выступала в роли свидетельницы правильности ленинской политики, слегка искаженной Сталиным. Полтора десятка лет, проведенных Е. Драбкиной в лагерях, должны были придать вес ее свидетельству.

³⁰ Ю. Поляков — оп. cit., стр. 95.

³¹ «Ленин и ВЧК». Сборник документов (1917-1922). М. 1975, стр. 501.

³² И. А. Чемерисский — Из истории классовой борьбы в 1921 г. «Исторические записки», № 77, 1965.

³³ 2 номера вышли из печати, 3-й был запрещен цензурой, сохранился в матрицах.

³⁴ Е. Кускова — Месяц соглашательства. «Воля России», №№ III-V, 1928.

³⁵ Е. Кускова — Месяц соглашательства. «Воля России», № III, 1928.

³⁶ Е. Кускова — Трагедия Максима Горького. «Новый журнал», № 38, стр. 240-241.

³⁷ Ленинский сборник, XXXVI, стр. 287.

³⁸ Е. Кускова — Месяц соглашательства.

³⁹ Там же.

⁴⁰ «Хлеб и революция», М. 1972, стр.

⁴¹ «Правда», 28.9.1918.

⁴² Е. Кускова, оп. cit.

⁴³ Там же.

⁴⁴ «Известия», 23.6.1921.

⁴⁵ Ю. Поляков — оп. cit., стр. 95.

⁴⁶ «Ленин и ВЧК», стр. 501-502.

⁴⁷ В. В. Шер и Э. Л. Гуревич (Смирнов) известные литераторы, члены с.д. партии меньшевиков.

⁴⁸ Проф. Кондратьев — один из крупнейших русских экономистов, обвинялся по делу т. н. Тактического центра в 1920 г., был осужден условно, с 1920 по 1928 г. руководил Конъюнктурным институтом, в 1929 г. был обвинен вместе с А. В. Чайновым и многими другими в принадлежности к мифической «Трудовой крестьянской партии». Видимо, погиб в тюрьме.

⁴⁹ «Исторические записки», № 77, 1965.

⁵⁰ К. Радек — Мы, голод и они. «Правда», 2.8.1921.

⁵¹ «Правда», 4.8.1921.

⁵² «Известия», 28.8.1921 г.

⁵³ Е. Кускова — Месяц соглашательства. «Воля России», III-V, 1928. В статье «Трагедия Максима Горького» («Новый журнал», XXXVIII), опубликованной

в 1954 г., Е. Кускова раскрывает имя «вхожего в Кремль» человека.

⁵⁴ Е. Кускова — Трагедия Максима Горького, стр. 236.

⁵⁵ Ленинский сборник, т. XX, стр. 277.

⁵⁶ Е. Драбкина — Зимний перевал. «Новый мир», № 10, 1968, стр. 40. Меткое слово «волынка» появилось в «Правде» после долгого перерыва в июне 1953 г. для обозначения рабочих волнений в Восточном Берлине.

⁵⁷ В. И. Ленин — Собрание соч., т. 36, стр. 533.

⁵⁸ Ленинский сборник, XXXVI, стр. 149-153.

⁵⁹ И. В. Сталин — Собрание соч., т. 6, стр. 37.

⁶⁰ Е. Кускова — Месяц соглашательства.

⁶¹ Прокопович вызвал особый гнев Ленина тем, что, по доносу некоего Рунова, «своего человека», присутствовавшего на каком-то собрании, член ВКПГ «держал противоправительственные речи».

⁶² В. И. Ленин — Собрание соч., т. 53, стр. 140-142.

⁶³ См. Benjamin Weissman — Herbert Hoover and Famine Relief to Soviet Russia 1921-1923. Hoover Institutions Press. 1974, p. 76.

⁶⁴ См. например, Д. Л. Голиков — Крушение антисоветского подполья. Книга вторая. М. 1978, стр. 118-119.

⁶⁵ «Правда», 8.8.1921.

⁶⁶ В. И. Ленин и ВЧК», стр. 506-507.

⁶⁷ И. А. Чемерисский — оп. cit., стр. 206.

⁶⁸ Мих. Осоргин — Чтобы лучше ощущать свободу. Из «Воспоминаний». «На чужой стороне». Историко-литературный сборник, 1924, стр. 112.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Мих. Осоргин — Времена, стр.

161.

⁷¹ Е. Кускова — Месяц соглашательства.

⁷² Е. Кускова — Месяц соглашательства.

⁷³ Мих. Осоргин — Времена, стр.

163.

⁷⁴ Е. Кускова — Трагедия Максима Горького, «Новый журнал», XXXVIII, стр. 23.

⁷⁵ Мих. Осоргин — Нансен и «Общественный комитет», «Последние новости», 18.5.1930.

⁷⁶ Мих. Осоргин — Л. Д. Троцкому — напутственное. «Дни», 22.1.1928.

⁷⁷ И. Трифонов — Очерки истории классовой борьбы в СССР, стр. 31.

⁷⁸ И. Чемерисский — оп. cit., стр. 206. Высылка проводилась осенью.

⁷⁹ Д. Голиков — Крушение антисоветского подполья в СССР, книга 2, стр. 119-120.

⁸⁰ И. Матусевич — Затаенная пламенность (памяти Ю. Айхенвальда).

⁸¹ Е. Кускова — Трагедия Максима Горького. «Новый журнал», XXXVIII, стр. 237 (письмо М. Горького датировано 30 июня 1922 г.).

⁸² В. И. Ленин — Собрание соч., т. 54, стр. 265.

⁸³ В. И. Ленин — Собрание соч., т. 45, стр. 189.

⁸⁴ «История советского государства и права», т. 2, М. 1968, стр. 580.

⁸⁵ Ю. Анненков — Дневник моих встреч, т. I, Нью-Йорк, 1966, стр. 262.

⁸⁵ В феврале 1922 г. ВЧК получила новое имя — ГПУ.

⁸⁶ «Экономист» — орган промышленно-экономического отдела Русского технического общества — выходил с декабря 1921 г. по июнь 1923 г. В числе его сотрудников были Питирим Сорокин, В. Бруцкус, Н. Кондратьев, Н. Бердяев.

⁸⁹ В. И. Ленин — Собрание соч., т. 54, стр. 265-266.

⁹⁰ Д. Голинков — оп. цит, стр. 156-157.

⁹¹ «Правда», 11.3.1922.

⁹² С. М. Дубровский — Фетишизм частной собственности (ответ Б. Д. Бруцкусу). «Сельское и лесное хозяйство», 1922, № 7-8, стр. 56.

⁹³ Ленин откликнулся письмом Бухарину (7.9.1922), начинавшимся словами: «Я читал (в „Социалистическом вестнике“) поганое письмо Горького...» В примечаниях говорится: «Речь идет о письме Горького А. Франсу от 3 июля 1922 г. по поводу процесса над эсерами». В действительности речь идет о двух письмах Горького, никогда в Советском Союзе не публиковавшихся.

⁹⁴ Михаил Горев — Агония церковной контрреволюции. «Известия», 2.6.1922.

⁹⁵ Письмо опубликовано в «Новом журнале», № 79, 1965, стр. 287.

⁹⁶ Летом 1920 г. «Известия» публикуют серию статей проф. Гредескула, одного из бывших руководителей кадетской партии, призывающих к переходу интеллигенции в лагерь большевизма.

⁹⁷ «Известия», 13.10.1921 г.

⁹⁸ «Правда», 14.10.1921 г.

⁹⁹ Цит. по парижскому журналу «Смена веж», № 6, 1921 г.

¹⁰⁰ В. И. Ленин — Собрание соч., т. 45, стр. 94.

¹⁰¹ См. стр. 36.

¹⁰² М. Ольминский подписывал иногда свои статьи буквой «О.» В. Воровский ис-

пользовал псевдоним — «Орловский». Однако серьезных оснований для приписывания им авторства статьи нет.

¹⁰³ «Печать и революция», № 6, 1922.

¹⁰⁴ Н. Устрялов — Обмиршение. «Новости жизни», 10.12.1922. См. «Под знаком революции». Харбин, 1927, стр. 143-144.

¹⁰⁵ См. Б. Харитон — К истории нашей высылки. «Дни», 13.2.1923. Можно полагать, что вождь Северной коммуны, петербургский тиран, «Гришка Третий», как называли его, подготовил местный список выслаемых. См. воспоминания Питирима Сорокина.

¹⁰⁶ «КПСС в резолюциях и решениях...», т. 2, стр. 395.

¹⁰⁷ С. Федюкин — Великий Октябрь и интеллигенция, стр. 287.

¹⁰⁸ По свидетельству Н. Лосского, «математик проф. Селиванов был арестован за „буржуазный“ метод преподавания математики инженерам». См. Н. С. Лосский — Воспоминания. Мюнхен, стр. 218. Проф. Селиванов был в числе высланных.

¹⁰⁹ См. Н. Бердяев — Самопознание, стр. 263; М. Осоргин — Как нас уехали, «Последние новости», 28.8.1932; Ф. Степун — Вывшее и несбывшееся, т. 2. Нью-Йорк, 1956, стр. 419; Pitirim Sorokin — Leaves from a Russian Diary, N. Y., 1924.

¹¹⁰ Ф. Степун — там же, стр. 420—421.

¹¹¹ Мих. Осоргин — Татьянин день. «Дни», 25.1.1923.

¹¹² В. И. Ленин — Полное собрание соч., т. 52, стр. 289.

¹¹³ Цит. по «Последние новости». 19.7.1921.

¹¹⁴ «Последние новости», 11.XI.1921.

¹¹⁵ «Юманите», 9.VIII.1921.

¹¹⁶ «Последние новости», 11.XI.1921.

¹¹⁷ «Горький и советская печать». Архив А. М. Горького, т. X, М., 1965, стр. 31-32.

¹¹⁸ Цит. по «Последние новости», 29.9.1921.

¹¹⁹ Максим Горький — О русском крестьянстве. Изд. И. П. Ладыжникова, Берлин, 1922, стр. 43-44.

¹²⁰ Мих. Осоргин — Времена, стр. 184.